

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Кафедра истории России

САМОЙЛОВ Антон Александрович

**ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТ.: ОРГАНИЗАЦИЯ, СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, БОЕВОЕ СНАРЯЖЕНИЕ**

Магистерская диссертация

Специальность 1-21 80 15 Всеобщая история

Научный руководитель
Олег Антонович Яновский
кандидат исторических наук,
профессор

Допущена к защите

«__» _____ 201__ г.

Заведующий кафедры истории России,

_____ О.А. Яновский
кандидат исторических наук, профессор

Минск, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
1.1 Историография.....	8
1.2 Источники.....	10
1.3 Методы исследования.....	13
ГЛАВА 2. СТРУКТУРА, ОРГАНИЗАЦИЯ, ВООРУЖЕНИЕ И БОЕВОЕ СНАРЯЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТ.	
2.1 Структура армии.....	15
2.2 Организация армии.....	19
2.3 Вооружение и боевое снаряжение кавалерии.....	21
2.4 Вооружение и боевое снаряжение пехоты.....	28
ГЛАВА 3. РЕФОРМЫ ИВАНА IV	
3.1 Начало стрелецкого войска.....	32
3.2 Усиление власти царя над служилыми людьми.....	35
3.3 Усиление власти царя над князьями.....	42
ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТ.	
4.1 Пехотные полки иноземного строя, выборные солдаты, драгуны 1630–1650-х гг.: поверстание в дети боярские.....	47
4.2 Социальная дифференциация стрельцов	54
4.3 Полки тяглых людей.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	64
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	67

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема: Вооруженные силы России во второй половине XVI – первой половине XVII ст.: организация, структура, социальный состав, боевое снаряжение

Ключевые слова: вооруженные силы, помещики, стрельцы, солдаты, рейтары, драгуны, даточные люди, вооружение, комплектование армии.

Актуальность темы исследования. Актуальность диссертационного исследования определяется устойчивым интересом к военной истории России. В последнее десятилетие данный интерес значительно возрос. Такое внимание оправдано. На протяжении XVI–XVII ст. приоритетной заботой правительства российского государства было развитие и укрепление вооруженных сил. Это привело к заметным изменениям русской армии. При Иване IV было создано поместное войско многочисленного дворянского ополчения и проведена «стрелецкая реформа» – реорганизация пехоты, вооружённой огнестрельным оружием. При Михаиле Федоровиче появились полки солдатского, рейтарского и драгунского строя. При Алексее Михайловиче начинаются общегосударственные наборы даточных людей в солдаты и формируется концепция пожизненной солдатской службы.

Цель диссертационного исследования. Цель данного исследования определить ключевые проблемы становления вооруженных сил России второй половины XVI – первой половины XVII ст. и соотнести их решение с общественно-политическим развитием страны.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является военно-политическое развитие русского государства XVI–XVII вв. Предметом исследования является развитие русской армии во второй половине XVI – первой половине XVII ст.

Основные положения, выносимые на защиту. Изучение источников позволяет выделить два этапа становления вооруженных сил России. На первом этапе, вторая половина XVI в., была упорядочена служба поместного ополчения, создано «приборное» войско и начался переход от добровольной воинской службы к принудительной. На втором этапе, первая половина XVII в., началось формирование полков «нового строя», возникли предпосылки к реорганизации армии по западноевропейскому образцу, изменился социальный состав пехоты: вольные люди постепенно заменялись тяглыми людьми, даточными солдатами. Анализ вооружения и снаряжения не выявил превосходства боевых качеств даточных солдат над вольными служилыми людьми.

Структура и объем диссертации.

Диссертация состоит из общей характеристики работы, введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников. Объем магистерской диссертации 78 страниц.

АГУЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА ПРАЦЫ

Тэма: Узброеныя сілы Расіі ў другой палове XVI – першай палове XVII ст.: арганізацыя, структура, сацыяльны склад, баявая амуніцыя.

Ключавыя словы: узброеныя сілы, памешчыкі, стральцы, жаўнеры, рэйтары, драгуны, датачныя людзі, узбраенне, камплектаванне арміі.

Актуальнасць тэмы даследавання. Актуальнасць дысертацыйнага даследавання вызначаецца ўстойлівай цікавасцю да вайсковай гісторыі Расіі. У апошнія дзесяцігоддзе дадзена цікавасць значна ўзрасла. Такая ўвага з’яўляецца апраўданай. На працягу XVI-XVII ст. прыярытэтным клопатам урада Расійскай дзяржавы было развіццё і ўмацаванне ўзброеных сіл. Гэта прывяло да прыкметных змяненняў рускай арміі. Пры Іване IV было створана памеснае войска шматлікага дваранскага апалчэння і праведзена “стралецкая рэформа” – рэарганізацыя пяхоты, узброенай агнястрэльнай зброяй. Пры Міхаіле Фёдаравічу з’явіліся палкі жаўнерскага, рэйтарскага і драгунскага шыхту. Пра Аляксеі Міхайлавічу пачынаюцца агульнадзяржаўныя наборы датачных людзей ў жаўнеры і фарміруецца канцэпцыя пажыццёвай жаўнерскай службы.

Мэта дысертацыйнага даследавання.

Мэта дадзенага даследавання – вызначыць ключавыя праблемы станаўлення ўзброеных сіл Расіі другой паловы XVI – першай паловы XVII ст. і суаднесці іх рашэнне з грамадска-палітычным развіццём краіны.

Аб’ект і прадмет даследавання.

Аб’ектам даследавання з’яўляецца ваенна-палітычнае развіццё рускай дзяржавы XVI-XVII ст. Прадметам даследавання з’яўляецца развіццё рускай арміі ў другой палове XVI – першай палове XVII стагоддзяў.

Асноўныя палажэнні, якія выносяцца на абарону: Вывучэнне крыніц дазваляе вылучыць два этапы станаўлення ўзброеных сіл Расіі. На першым этапе, другая палова XVI ст., была ўпарадкавана служба памеснага апалчэння, створана «прыборнае» войска і пачаўся пераход ад дабраахвотнай воінскай службы да прымусовай. На другім этапе, першая палова XVII ст., пачалося фарміраванне палкоў «новага ладу», узніклі перадумовы да рэарганізацыі арміі па заходнееўрапейскім узору, змяніўся сацыяльны склад пяхоты: вольныя людзі паступова замяняліся цяглымі людзьмі, датачнымі салдатамі. Аналіз узбраення і амуніцыі не выявіў перавагі баявых якасцяў датачных салдат над вольнымі службылымі людзьмі.

Структура і аб’ём дысертацыі.

Дысертацыя складаецца з агульнай характарыстыкі працы, уступу, чатырох глаў, заключэння, спіса выкарыстаных крыніц. Аб’ём магістэрскай дысертацыі 78 старонак.

THE GENERAL CHARACTERISTICS OF THE WORK

The research topic: Russian army during the second half of XVI – the first half of XVII century: the structure, organization, social composition, arms and equipment.

Key words: armed forces, pomeshchiki, streltsy, soldiers, reiters, dragoons, serf soldiers, weaponry, recruitment for the army.

The significance of the research topic. The significance of the research topic is proved by an abiding interest in studying Russian military history. During the last years, this interest has increased considerably. Such attention to the topic is justified. In XVI - XVII century strengthening and development of armed forces was the main priority for Russia. It resulted in notable developments of Russian army. Ivan IV built a large army of servitor cavalry (pomeshchiki) and organized special units of musketeers known as streltsy. Mikhail Fyodorovich organized new-style regiments of soldiers, reiters and dragoons. Aleksey Mikhailovich began national recruitment of serf soldiers, whose military service was life-long.

The purpose of the research. The purpose of the research is to identify key problems in the Russian army development during the second half of XVI – the first half of XVII centuries and relate these problems to social-political country's development.

The object and subject of the research. The object of the research is the political-military development of the Russian state in XVI–XVII centuries. The subject of the research is development of the Russian army during the second half of XVI – the first half of XVII century.

The research statements. Scrutiny of sources revealed the main stages of development of the Russian army. At the first stage, during the second half of XVI century, the servitor cavalry mobilization was rationalized, special units of streltsy were organized and transition from the voluntary military service to the compulsory military service began. At the second stage, the first half of XVII century, the regiments of “the new stroi” were raised, the suitable conditions for the military modernization, based on the experiences of Western Europe, have been formed, social composition of infantry was changed: volunteer soldiers were replaced by serf soldiers. Analysis of data on arms and equipment indicates that the new regiments of the serf soldiers were not more effective than the older regiments of volunteers.

The structure and scope of the thesis.

The thesis is divided into sections «The general characteristics of work», «Introduction», four chapters, «Conclusion», «List of references».

The master dissertation includes 78 pages.

ВВЕДЕНИЕ

Цорндорфское 1758 г. и Кунерсдорфское 1759 г. сражения изменили расстановку сил в Европе и подняли престиж русского оружия на невиданную доселе высоту. Путь к славе был долг: Иван IV заложил основы вооруженных сил, Михаил Федорович Романов перенял европейские военные технологии, Алексей Михайлович Романов привлек тяглое население к воинской службе, Петр I упразднил стрелецкое войско и повысил уровень боевой подготовки военнослужащих. Таким образом, России потребовалось около двухсот лет на создание профессиональной регулярной армии.

Столь длительный период нуждается в выделении определенных этапов: первый, от начала царствования Ивана IV до начала Смутного времени; второй включает царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых, третий, от реорганизации армии Петром Великим до начала Семилетней войны. Данное исследование посвящено изучению первых двух этапов становления русской армии: от Ивана IV до Алексея Михайловича Романова.

Цель данного исследования определить ключевые проблемы становления вооруженных сил России второй половины XVI – первой половины XVII столетий. Для достижения данной цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

1. выделить главные этапы становления вооруженных сил России XVI–XVII столетий;
2. выявить организацию армии и ее отдельных частей, порядок комплектования, обучения и снаряжения вооруженных сил;
3. определить значение реформ Ивана IV для развития русской армии;
4. проанализировать изменение социального состава русской пехоты во второй половине XVII столетия;
5. доказать превосходство полков вольных людей над полками тяглых людей.

Объектом исследования является военно-политическое развитие русского государства XVI–XVII в. **Предметом** исследования является развитие русской армии во второй половине XVI – первой половине XVII столетий.

Научная новизна и значимость работы состоит в комплексном анализе ключевых проблем русской военной истории конца XVI – первой половины XVII ст. Основное внимание уделяется исследованию военного потенциала поместного войска, являвшегося ополчением служилых людей «по отечеству», «приборного» войска стрельцов и полкам нового строя.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Изучение источников позволяет выделить два этапа становления вооруженных сил российского государства. На первом этапе, вторая половина

XVI в., была упорядочена служба поместного ополчения и создано «приборное» войско. На втором этапе, первая половина XVII в., началось формирование полков «нового строя» и возникли предпосылки к реорганизации армии по западноевропейскому образцу.

2. Переход от добровольной воинской службы к принудительной прослеживается на протяжении всего изучаемого периода. При Иване IV принуждение использовалось в отношении служилых людей по отечеству. Во второй половине XVII в. принуждение использовалось в отношении служилых людей по прибору и даточных солдат.

3. Принуждение позволило изменить социальный состав пехоты: вольные люди заменились тяглыми людьми, даточными солдатами.

4. Исследование вооружения и снаряжения не подтверждает устоявшееся представление о превосходстве боевых качеств даточных солдат над вольными служилыми людьми.

Поставленные задачи определили структуру работы. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы. Во введении обосновывается научная новизна исследования и дается общая характеристика работы. В первой главе предлагается анализ историографии, характеристика источников и указание методов исследования. Во второй главе дается описание структуры и организации русской армии XVI–XVII вв., проводится сравнение вооружения и снаряжения ратных людей различного социального происхождения. В третьей главе анализируются реформы Ивана IV: усиление царской власти, переход к принудительной службе. В четвертой главе изучаются два взаимосвязанных вопроса: внедрение в русскую армию европейских военных технологий и изменение социального состава русской армии в второй половине XVII столетия.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Историография

Изучение русской военной истории началось в XIX в. после обнаружения и публикации важнейших архивных документов. Интересу к изучению военной истории способствовал перевод сочинений иностранных авторов, касающихся организации вооруженных сил Московского государства.

В середине XIX в. проблемы военной истории начинает разрабатывать И.Д. Беляев. В известной работе «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим» И.Д. Беляев попытался определить принципы комплектования армии, порядок службы ратных людей и значение военных реформ 30–40-х гг. XVII в.

Заметным явлением в развитии российской военной историографии стали работы Н.С. Голицына. Особый интерес представляет его фундаментальный труд «Русская военная история».

П.О. Бобровский внес значительную лепту в изучение вооруженных сил России XVI–XVII в. Взгляды П.О. Бобровского на состав, комплектование, вооружение и обучение армии представлены в работах «Переход России к регулярной армии» и «История 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского полка Его Величества полка, за 250 лет».

В работе «История конницы», М.И. Марков проследил прошлое российской кавалерии. Он считал, что при московских царях поместная конница являлась главным, многочисленным и лучшим родом войск. Стремясь отметить исключительную роль конницы, М.И. Марков дал критический отзыв о русской пехоте того времени.

Автором первого академического курса истории русского военного искусств стал Д.Ф. Масловский, «Записки по истории военного искусства в России». Д.Ф. Масловский уделил большое внимание значению допетровских военных реформ. Историк удалось дать достаточно полный и точный обзор организации станичной и сторожевой службы на южных, западных и северо-западных границах, где в середине XVII в. были размещены поселенные драгунские полки.

Важная заслуга в изучении офицерских чинов XVII в. принадлежит А.З. Мышлаевскому. В работе «Офицерский вопрос в XVII в.» А.З. Мышлаевский связал появление новых офицерских чинов с развитием выборных полков.

В 1930–1970-е гг. изучением вооруженных сил России XVI–XVII в. занимались С.К. Богоявленский, А.В. Чернов, П.П. Елифанов, С.Л. Марголин.

С.К. Богоявленский изучал поместное войско. Проанализировав вооружение, тактику боя и особенности организации, С.К. Богоявленский пришел к выводу о значительном упадке поместного войска в середине XVII в.

Фундаментальным исследованием стала монография А.В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII в.». Историк разработал теорию об участии в военных действиях мобилизованных тяглых людей, «посошных» людей и «даточных» солдат. А.В. Чернов отнес возникновение первых стрелецких подразделений к 1546 г. Историк детально изучил военные реформы 1630–1650-х г. Сильной стороной работы исследователя является введение в научный оборот архивных материалов.

Развитию военного дела в России в XVI–XVII в. посвящен ряд статей П.П. Епифанова, написанных для многотомного исследования «Очерки русской культуры». Исследователь изучил состав армии, способы ее комплектования. Пристальное внимание П.П. Епифанов уделил развитию полков солдатского, рейтарского и драгунского строя.

Предметом изучения С.Л. Марголина были стрельцы. Историк научно обосновал теорию происхождения стрельцов от пищальников. Подробно разобрав организацию службы стрельцов, С.Л. Марголин пришел к выводу, что среди стрельцов существовала сильная социальная дифференциация. Большое значение С.Л. Марголин придавал изучению тактики и вооружения стрельцов.

С 1980 г. – по настоящее время было написано много новых работ.

Исследования В.А. Волкова являются попыткой создания фундаментальной работы с обобщением основных проблем военной истории Московского государства XV–XVII вв. Историк исходит из убеждения, что в конце XV – середине XVI в. военный потенциал страны соответствовал уровню развития Русского государства. Однако разрушительные действия Ивана Грозного, а также политический и социальный кризис XVI – начала XVII в. значительно ослабил вооруженные силы страны. Поэтому особое внимание В.А. Волков уделяет потерям, понесенным армией в годы Смутного времени.

В.М. Воробьев изучил количественные и качественные изменения, происходившие в поместной системе в первые десятилетия после Смуты. Историк полагал, что главной чертой этого периода было постепенное превращение структур служилых городов в структуры конницы нового строя. Исследовав материалы десятилетий 1660–1670-х г., В.М. Воробьев пришел к заключению, что ко второй половине XVII в. поместная конница стала глубоко реформированной. На смену сотенной службе в повседневность служилых городов приходила служба помещиков в отрядах рейтар, копейщиков и гусар.

В работе «Провинциальное дворянство в России в XVII в.» Т.А. Лаптева исследовала проблему процесса верстания в дети боярские представителей низших социальных страт. Т.А. Лаптева отметила, что если в XVII в. сама солдатская служба давала право на небольшое поместье и запись в

соответствующие книги и списки, то в начале XVIII в. будет необходим обер-офицерский чин.

М.Ю. Романов исследует историю московских стрельцов в XVI–XVII в. Историк отмечает высокие боевые качества московских стрельцов. В годы русско-польской войны начинается создание особых стрелецких частей – «выписных жилых» приказов московских стрельцов. Учреждались они с целью укрепления наиболее подготовленными ратными людьми гарнизонов приграничных уездных центров, состоящих в основном из пашенных солдат.

В 2015 г. были опубликованы материалы научной дискуссии к 455-летию с начала Ливонской войны «Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного». Коллектив авторов исследует вопросы организации, вооружения, командования и тактики армии времен Ливонской войны.

Изучению вооруженных сил России посвящено несколько англоязычных исследований.

В центре внимания Роберта Фроста находится Польша XVI–XVII в. Также Роберт Фрост подробно описывает армии Швеции, России и Пруссии (противников Польши). Он выдвигает любопытное мнение о революции 1917 г. как о закономерном последствии использования «военной технологии» «милитаризированной элитой общества» ради «сохранения огромной власти на базе отсталой и неразвитой экономики» России XVI–XVII в.

Книга Брайна Дэвиса «Война, Государство и Общество Причерноморской степи 1500–1700» исследует вооруженные силы Польши и России. Брайн Дэвис сравнивает польскую и русскую систему защиты южных границ и уделяет большое внимание проблемам логистики в степной войне.

Кеннет Чейз в монографии «Огнестрельное оружие: всемирная история до 1700 г.» обнаружил наличие определенного сходства между организацией вооруженных сил России и Османской империи XVI в.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что многие ключевые вопросы военной истории России второй половины XVI – первой половины XVII столетий, касающиеся организации русской армии, ее комплектования, вооружения и особенностей боевой практики, остались актуальными.

1.2 Источники

Использованные в работе над диссертацией источники по функциональной принадлежности можно разделить на следующие группы:

1. законодательные,
2. делопроизводственные,
3. повествовательные,
4. мемуарные,

5. эпистолярные.

Первая группа источников представлена материалами законодательной деятельности государственных учреждений.

К ним относятся: Судебники 1550 г., Приговор о распределении воевод по полкам и отмене местнических счетов на время походов 1550 г., Указ «Об отмене кормлений и введении земского самоуправления» 1555 г., Уложение о службе 1555/1556 г., Соборное Уложение 1649 г.

Судебник 1550 г. регулировал права и привилегии детей боярских (ст. 26, 58-59, 81). Судебник ограничивал право распоряжения вотчинами (ст. 85).

Приговор о распределении воевод по полкам и отмене местнических счетов на время походов 1550 г. регулировал организацию командования, Указ «Об отмене кормлений и введении земского самоуправления» 1555 г. ограничивал привилегии знати, Уложение о службе 1555/1556 г. упорядочивало обязанности вотчинников и помещиков.

В Соборном уложении 1649 г. вопросам организации военного дела была посвящена 7-я глава, называвшаяся «О службе всяких ратных людей Московского государства». Ряд статей определял порядок обеспечения войск (ст. 1, 3, 4, 5, 21, 23, 25).

Вторая группа источников (делопроизводственные) представлена документацией Разрядного приказа и источниками по истории военной службы.

Дьяки Разрядного приказа вели подробные записи назначений на все высшие военные должности. Сведения о них заносились в разрядные книги, которые подробно описывали участие командного звена русского войска в войнах XVI – первой половины XVII в.

Первое издание официальных разрядных книг относится к 1853 г. когда были опубликованы записи, относящиеся к первой четверти XVII в. В нем содержатся записи о вооружении стрельцов.

В начале XX в. была издана «Древнейшая разрядная книга официальной редакции» П.Н. Милюкова. В 70–80-е гг. XX в. появились разрядные книги под редакцией В.И. Буганова. В разрядных книгах содержатся данные о распорядке армии и количестве воевод, сообщения о местнических спорах.

В конце XIX в. были опубликованы «Акты московского государства. Разрядный приказ. Московский стол.» под редакцией Н.А. Попова и Д.Я. Самоквасова. Акты содержат ценную информацию об организации, численности и вооружению русской армии XVI–XVII в.

Различные царские указы, грамоты, наказные памяти, отписки и памятки, вошли в многотомные собрания XIX – начала XX в.: «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи», «Акты Исторические. Собранные и изданные археографической комиссией», «Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией». В них содержатся

важные сведения о жаловании, материальном обеспечении и социальном происхождении служилых людей.

К источникам по военной истории службы можно отнести боярские книги, десяти и судебно-следственные материалы.

Боярская книга 1556 г. была опубликована М.А. Оболенским в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России». Боярская книга 1556 г. содержит список лиц высшего служилого сословия. Это единственная книга подобного рода, сохранившаяся от XVI в. В ней содержатся данные Серпуховского смотра о боеспособности поместного войска в период его наивысшего расцвета.

Не менее важным источником являются «десятни» – служебные списки дворян и детей боярских, составлявшиеся при их верстании, разборе и выдаче денежного жалованья. Десятни XVI в. были опубликованы В.Н. Сторожевым. В них содержатся данные о боевых характеристиках поместного войска третьей четверти XVI в.: «конности», «людности», «оружности». Кроме этого, десяти свидетельствуют о применении поручительства в поместном войске.

«Русская историческая библиотека. Издаваемая императорской археографической комиссией» содержит данные дела Тайного приказа, рассказывающие о преступлениях в армии.

Третья группа источников (повествовательные) представлена нарративными памятниками: летописями и хронографом.

Подробные сведения о событиях русской военной истории конца XV – начала XVI в. содержат Новгородская IV, Псковская, Лебедевская, Александроневская летописи, Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы, Московский летописный свод.

Крупнейшим памятником русского летописания XVI в. является Никоновская летопись, получившая свое название по одному из списков, принадлежавших патриарху Никону. В первоначальной редакции ее изложение доводилось до 1520 г., однако ряд списков Никоновской летописи дополнен рассказом о событиях середины XVI в. и более позднего времени. Многие известия Никоновской летописи уникальны.

К указанной группе источников относится и хронограф – сочинение по всемирной истории. Редакция Хронографа 1512 г., повествование которой завершалось событиями 1452 г., подверглась основательной переработке и была дополнена сведениями, относящимися к российской истории XVI – начала XVII в. Эти сведения содержат важные данные о стрельцах.

Четвертая группа источников представлена мемуарами и дневниками современников, оставивших описание русского войска XVI–XVII в. К этой группе относятся: обширный труд посла австрийского императора Сигизмунда Герберштейна, сочинение английского дипломата Джильса Флетчера, записи опричника Генриха Штадена.

Яков Рейтенфельс посвятил организации русской армии отдельную главу своей книги. Его интересовала численность войска и подготовка военнослужащих. Детальное описание русской армии середины XVII в. сделал Григорий Карпович Котошихин. Для исследования важны сообщения Котошихина о приказах, осуществлявших функции военного управления, и составе армии, полках солдатского, драгунского и рейтарского строя.

Дневник Патрика Гордона является уникальным источником по истории русской армии второй половины XVII в. Особое значение имеют сведения об обучении стрельцов новой тактике и особенностях набора выборных солдат.

Пятая группа источников – эпистолярные. Она представлена перепиской Ивана Грозного с Андреем Курбским. Переписка велась с 1564 по 1579 гг. Всего было три послания Курбского Царю, и два послания Царя Курбскому. Переписка является выдающимся литературным памятником XVI в., отразивший переломный характер эпохи. Курбский обвиняет царя в гонениях, против лучших из его подданных, казнях и муках. Иван IV обосновывает и защищает неограниченные права самодержца.

1.3 Методы исследования

Методологической основой диссертации являются принципы историзма, научной объективности и системности.

Исследование проведено с использованием следующих методов: нарративный, историко-генетический, сравнительный, типологический и системного анализа.

Нарративный метод необходим для связного изложения цепочки событий, произошедших в течение столетнего периода развития вооруженных сил России. Выводы, полученные в результате описания, используются для последующего анализа.

Исследование опирается на историко-генетический метод. Использование историко-генетического метода позволяет устанавливать причинно-следственные связи и проследить преемственность в политике царей. Основное направление реорганизации армии было задано Иваном IV. Исследование доказывает, что оно получило дальнейшее развитие в правлении его последователей: Бориса Годунова, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

Сравнительный метод нашел широкое применение в исследовании. Сравнительный метод используется в трех целях. Во-первых, для выявления сходства и различия между представителями разных социальных групп русской армии XVI–XVII вв.: стрельцами и солдатами выборных полков, солдатами выборных полков и солдатами иноземных полков, стрельцами и солдатами даточных полков, стрельцами и казаками. Сопоставление данных социальных

групп позволяет лучше понять особенности социального статуса служилых людей и выявить истинные приоритеты политики правительства.

Во-вторых, сравнительный метод используется для сопоставления источников. Например, падение боеспособности поместного войска в годы Ливонской войны и Смутного времени анализировалось на основании данных Боярских списков 1556, 1577, 1621 и 1638 гг. Полученные данные позволили сделать важные выводы о существенных изменениях в комплектации и вооружении служилых людей по отечеству.

В-третьих, сравнительный метод применяется для сравнения русской армии XVI–XVII в. с армиями иностранных государств.

В исследовании применяется историко-типологический метод. Например, было произведено выделение типов стрельцов: пашенные стрельцы, стрельцы юга, посадские стрельцы, стрельцы центра. При этом исследование избегает такого обобщенного понятия как «солдатские полки». Вместо этого полки делятся на типы, которые различаются с помощью уточняющих слов: полки иноземного строя, выборные полки, полки даточных людей и т.д. Типология полков отражает важность социальной дифференциации русской пехоты.

Также в исследовании был применен метод системного анализа. Исследование основывается на принципе, что изучение вооруженных сил изолированно от целой системы социально-политических отношений московского царства XVI–XVII вв. невозможно, поскольку государство и армия являлись составными частями единой системы. Например, привлечение зависимого населения к воинской службе шло бок о бок с ростом крепостного гнета: чем крепче государство устанавливало контроль над зависимым населением, чем больше преграждало путей для бегства, тем активнее оно привлекало зависимое население к воинской службе. А чем активнее государство привлекало зависимое население, тем менее оно нуждалось в службе вольных людей.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРА, ОРГАНИЗАЦИЯ, ВООРУЖЕНИЕ И БОЕВОЕ СНАРЯЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТ.

2.1 Структура армии

В войнах XV – начала XVI вв. определилась внутренняя структура вооруженных сил Московского государства. Костяк русской армии составляли «служилые люди», делившиеся на «служилых людей по отечеству» и «служилых людей по прибору».

К служилым людям по отечеству относились служилые князья, бояре, дети боярские и дворяне. Князья и бояре занимали высшие офицерские чины. Из детей боярских и дворян формировался рядовой состав кавалерии.

Дворяне и дети боярские появились одновременно и в течении трех веков (XIII–XV вв.) сосуществовали друг с другом. Эти две группы служилых людей отличались своим происхождением и обязанностями. Дети боярские были вольным элементом средневекового общества. Основной их обязанностью было несение воинской службы. Дворянами считались дворцовые слуги князя, вольные и невольные. Изначально дворяне выполняли хозяйственные обязанности при дворе князя и являлись невоенным элементом общества.

В XV – начале XVI вв. дети боярские составляли основу московской рати. Они участвовали в войнах с Литвой, Ливонским орденом, казанскими и крымскими татарами.

Самое раннее известие о детях боярских содержит статья, помещенная в Новгородской летописи под 1259 г. В лето 6767 просили «окаянные» татары у Александра Невского выделить им отряд охранников. «И повелел князь стереци их сыну посадницу и всемъ детямъ боярскимъ по ночемъ» [93, с. 222].

В «Задонщине» — памятнике 80-х годов XIV в., накануне Куликовской битвы, великий князь московский обращался к детям боярским сразу вслед за боярами и воеводами: «И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: "Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим."» [58, с. 393].

В истории сложилось устойчивое представление о детях боярских как о мелких и средних помещиках. Однако до создания поместной системы, которая начала складываться только в 80-е годы XV в., условных держаний было не много и для формирования боеспособного войска их числа бы не хватило [89, с. 58]. Другое дело мелкие вотчинники. Мелких и средних вотчинников — детей боярских было много, и они вполне могли обеспечить государство многочисленным войском.

Дети боярские могли приобретать общинные и великокняжеские земли.

Распад территориальных общин способствовал накоплению земель в руках детей боярских. Если в XIV в. процесс распада территориальных общин и разбора их земель частными лицами сдерживался внешними факторами – необходимостью собирать ордынский «выход» и противостоять возможному вторжению, то с начала XV в., с переходом к более наступательной стратегии, Калитовичи могли более не считаться с подобными ограничениями и начать массовый перевод общинных земель в частные руки. Часть этих земель получили дети боярские.

Потеря земли ослабила городские «миры», что позволило ликвидировать городские ополчения общины, как силы, способной сопротивляться княжеской власти организованным военным путем и сформировать из служилых вотчинников – детей боярских – вооруженную опору формировавшегося самодержавия.

Доступна была детям боярским и великокняжеская земля. В конце XIV в. дети боярские, утратившие свои земли в результате войн и разделов стали переходить на службу московскому государю в качестве «слуг вольных». Московские князья поощряли поступающих к ним на службу значительными земельными пожалованиями на вотчинном праве, что способствовало дроблению вотчин и разрушению традиционной системы феодального сюзеренитета.

Дробление вотчин вело к сокращению размеров земельных владений на вотчинном праве. Исследуя земельные владения служилых людей Волока Ламского, С.З. Чернов установил, что в XIV–XV вв. преобладали крупные вотчинные владения [143, с. 305–307]. Однако, к 1540-м г. размер вотчины становится мал до невозможности установить господское хозяйство. Эта перемена заметна на примере Сестринского стана: если в 1480–1490-х г. доля крупных и средних вотчин составляла 40%, а мелких вотчин всего 4,5%, то в 1500–1530-х г. мелкие вотчины уже составляют 20% [143, с. 314–319].

Разрушение феодальной системы сюзеренитета стало следствием возвышения великого князя московского. Во второй половине XV в., традиционная феодальная организация армии перестала соответствовать имевшей место действительности. Походный строй, когда каждый удельный князь вел своих бояр и детей боярских в отдельных отрядах, полностью отражал принцип сюзеренитета, но стал плохо подходить для маршей русского войска.

Причиной тому был переход значительного числа детей боярских на службу великого князя московского.

Поход Ивана III на Новгород 1477 г. иллюстрирует сложившуюся практику, когда дети боярские, не входившие во двор великого князя, но служившие ему со своих вотчин, попадали в состав отрядов удельных князей: «...дети боарьские... со князем Борисом Можайцы, Волочане и Звенигородцы и Ружане, которые служат великому князю» [91, с. 311–312]. Летописец описывает ситуацию, при которой князья и бояре командуют уже не своими

личными детьми боярскими, а отрядами, имеющими смешанный состав – личных детей боярских князя или боярина и детей боярских великого князя. К сожалению, летописец на раскрывает подробностей о пропорциональном соотношении этих двух групп.

Дробление вотчин и разрушение системы феодального сюзеренитета имело три последствия: во-первых, в результате дробления общее число детей боярских значительно увеличилось; во-вторых, обеднев, дети боярские приблизились по своему положению к рядовому конному войну; в-третьих, масса детей боярских попала в зависимость от милостей московского государя.

Примерно в это же время дворяне стали получать от московского государя земли наравне с детьми боярскими, и вошли в один разряд с ними, отбывая по земле ратную службу. Появилась тенденция к сближению детей боярских и дворян.

В годы царствования Ивана IV были проведены реформы по упорядочиванию службы по отчеству в результате которых было создано поместное войско, объединившее детей боярских и дворян в одну общую группу помещиков, владеющих землей на титульном праве.

В разряд «приборных служилых людей» входили стрельцы, выборные солдаты, полковые и городовые казаки, пушкарки и другие военнослужащие «пушкарского чина». Объем настоящего исследования не позволяет изучить всех представителей служилых людей по прибору в равной степени. Приоритетом выступает исследование службы стрельцов и выборных солдат, из которых в XVI–XVII вв. началось формирование нарождающейся пехоты.

До 1550 г. русская армия состояла главным образом из кавалерии. Эффективная оборона страны от набегов кочевых и полукочевых народов требовала высокой мобильности, для достижения которой приходилось отказываться от пехоты: «В сражениях московиты никогда не употребляют пехоты и пушек, ибо все что они делают, нападают ли на врага, преследуют ли его или бегут от него, они совершают внезапно и быстро, и поэтому ни пехота, ни пушки не могут поспеть за ними» [32, с. 174].

В тех редких случаях, когда пехота использовалась, ее набирали из трех главных источников: иностранных наемников, свободных ратных людей «по прибору» и зависимого населения страны.

Сигизмунд Гербенштейн, посетившей Россию в начале XVI в., свидетельствует об использовании иностранных наемников следующим образом: «полторы тысячи пехотинцев из литовцев и всякого сброду» [32, с. 174]. В Великом княжестве Литовском наемная пехота развивалась с 1490-х г. [20, с. 10–11]. Однако, на службу московскому царю литовские наемники поступали в лишь в незначительном количестве. Основная масса литовских наемников сражалась против московского государства [70, с. 61].

По вопросу привлечения зависимого населения к воинской службе мнения историков разделились. А.В. Чернов считал, что опыт использования масс населения в военных целях, в том числе зависимого, имел глубокие исторические корни. Это позволяло придать войнам XV–XVII в. общенародный характер, в противовес идеи феодальной армии, как армии правящего класса: «Военную повинность, выставляя ратников на службу, – несло и все городское население в целом» [140, с. 92]. А.В. Чернов полагал, что в XVI–XVII в. наборы ратников производились: «в случае военной опасности» и «особенно значительными они были во время Ливонской войны» [140, с. 92]. Для подтверждения своей концепции А.В. Чернов использует участие в войнах второй половины XVII в. даточных людей. Последних он определяет следующим образом: «В конце XVI в. «сборные» ратные люди с владельцев (кроме служилых помещиков и вотчинников, приводивших с собой «боярских» людей по Уложению 1556) и городов получили общее название «даточных» людей, т.е. людей, которых «давали» (выставляли) на службу определенные группы населения. Под именем даточных людей тяглое население несло военную службу до конца XVII в.» [140, с. 93]. Кроме даточных, А.В. Чернов признавал за военную силу и посоху. При этом, А.В. Чернов понимал главный недостаток своей концепции – участие даточных людей в войнах XVI в. не подтверждается источниками. Например, в Полоцком походе даточные люди составляли всего 2% от общей численности русского войска [140, с. 95]. Большой вклад в понимание роли пехоты XVI в. внесла статья В.М. Воробьева «Предыстория Полоцкого похода». В.М. Воробьев делал акцент не на «даточных» и «посохе», а на изучении служилых людей «по прибору», собираемых с русского Севера. Он пришел к следующим выводам: «Данная категория служилых людей «по прибору», судя по признакам их отбора, выполняла специфические, повышенной сложности боевые задачи именно в зимний период. Разрядный приказ строго подходил к набору таких служилых людей» [29, с. 171]. В.М. Воробьев поднял вопрос о зимних, пеших, лыжных лунниках Севера России как об особой категории русского войска. Их главная черта – особые профессиональные навыки – означала, что они никогда не могли составлять сколь-либо значительный процент в русском войске.

А.М. Молочников предложил именовать данных воинов «сборной ратью» [90, с. 207]. Эта рать состояла из охотников, которые умели владеть луком и стрелами благодаря развитию пушного промысла на севере и северо-востоке России в XVI в. Ратные люди обладали двойственной социальной природой. С одной стороны, они принадлежали к определенной части тяглого населения – черносошным крестьянам. С другой стороны – их вполне можно было отнести к служилым людям по прибору, так как они служили добровольно и за вознаграждение. А.М. Молочников провел исследование ряда походов (Угорский поход 1499 г., Полоцкий поход 1563 г., Немецкий поход 1579 г.,

Первый поход в Каянские немцы 1589 – 90 г., Второй поход в Каянские немцы 1591–1592 г.) и пришел к выводу, что их доля составляла от 2% до 6% [90, с. 220].

Следовательно, в компаниях XVI в. активное участие принимала только та часть полузависимого населения страны, чей социальный статус был ближе к служилым людям по прибору, чем к даточным людям XVII в.

Таким образом, в середине XVI в. правительство не использовало иностранных наёмников в большом количестве, и еще не было готово вооружить тяглый люд. Единственным источником, из которого правительство могло создать пехоту, были служилые люди по прибору.

Структурное деление вооруженных сил на служилых людей по отчеству и служилых людей по прибору, подверглось реорганизации лишь в середине XVII в., когда русское войско пополнилось полками «нового строя» (солдатскими, рейтарскими и драгунскими), действовавшими в составе полевых армий достаточно автономно.

По роду службы все группы ратных людей относились к четырем основным разрядам: коннице, пехоте, артиллерии и вспомогательным (военно-инженерным) отрядам. К первому разряду принадлежало дворянское ополчение, служилые иноземцы, конные стрельцы и городовые казаки, конные даточные (сборные) люди, как правило, из монастырских волостей, выступавшие в поход на конях. Пехотные части состояли из стрельцов, городских казаков, военнослужащих солдатских полков (с XVII в.), даточных людей, а в случае острой необходимости спешенных дворян и их боевых холопов. Артиллерийские расчеты составляли в основном пушкарки и затинчики, хотя при необходимости к орудиям становились и другие приборные люди.

2.2 Организация армии

Со второй половине XVI в. военная служба дворян и детей боярских разделялась на городовую (осадную) и полковую (походную). Осадную службу несли или мелкопоместные лица с окладов в 20 четей или неспособные по состоянию здоровья к полковой службе. Осадная служба выполнялась в пешем строю, ее могли нести только «с земли», с поместных владений; денежное жалованье воинам, находившимся в осадной службе, не выплачивалось [26, с. 126]. За исправное исполнение обязанностей малоземельные дворяне и дети боярские могли быть переведены из осадной в полковую службу с повышением поместного оклада и выдачей денежного жалованья. В городской (осадной) службе продолжали числиться и отставные дворяне, и дети боярские, которые не могли нести полковую службу по старости, болезни или из-за тяжелых увечий.

Полковая служба была дальней (походной) и ближней (украинной, береговой). В мирное время она сводилась к постоянной охране границ, главным образом южных.

Сотня была главным структурным подразделением конницы [92, с. 9]. Вызванные на службу помещики одного уезда формировались на сборных пунктах в сотни и распределялись по полкам. После окончания службы дворяне и дети боярские распускались по домам, сотни распадались и при следующем призыве на службу, формировались вновь. Таким образом, сотни, как и полки, являлись лишь временными войсковыми единицами поместного ополчения.

Стрельцы были организованы в следующие подразделения: приказы (самое первое название - «приборы»), сотни, десятки. Их возглавляют соответственно – стрелецкие головы, сотники, пятидесятники и десятники. В конце XVII в. в стрелецких приказах появляются полуголовы и пятисотенные. О порядке назначения, судебных обязанностях и жаловании пятисотенных известно очень мало. По-видимому, это должность имела сугубо хозяйственное назначение [118, с. 90].

Стрелецкие головы были вполне самостоятельны, подчиняясь непосредственно центральному учреждению – Стрелецкому приказу, известному, по крайней мере, с 1571 года, но возникшему, вероятно, вскоре после учреждения первых стрелецких частей. Приказ ведал комплектованием, снабжением, вооружением и, по-видимому, обучением, стрельцов на территории всего государства, осуществляя также административно-военные и судебные функции в отношении стрельцов. Об этом со всей определенностью говорит «Выписка из стрелецких наказов о судебных и торговых пошлинах со стрельцов», составленная в 1608/09 г., при разборе в Стрелецком приказе старых наказов, «даванных» головам московских стрельцов при царе Василии Ивановиче Шуйском. Согласно этому документу, «до стрельцов... в бою и в грабежу, и голове тех людей стрельцы своего приказу судити и управу меж их чинити, опричь розбою». Стрельцам предоставлялись льготы по судебным искам и пошлинам, официально дозволялось «торговати и промышляти... своим рукодельем, и вскупая на векуй что носящее от полтины и от рубля безтоможно и безпошлинно» [51, с. 78].

Стрелецкие сотники относились к командирам среднего звена. В подчинении каждого из них находилась отдельная сотня стрельцов. Им принадлежали суд и расправа над их подчиненными, если те допускали незначительные проступки. Только сотники имели право отпускать стрельцов за пределы слобод. На сотниках московских стрельцов лежала обязанность встречать у границы и сопровождать до Москвы иноземных посланников и гонцов [51, с. 90].

Создание полков нового строя в 1630-х г. привело к значительным организационным изменениям русской армии.

Рейтары и драгуны составляли полки из двух или трех шквадронов, из которых в рейтарских полках были шквадроны копейщиков и рейтаров.

Все полки немецкого строя состояли под начальством полковников как русских, так и иностранцев.

Гусары формировали только эскадроны, которые в полки не соединялись [79, с. 118].

Первые два пехотных полка иноземного строя 1632 г. насчитывали по 1600 человек в восьми ротах [150, с. 71].

К 1650-м г. типовой пехотный полк солдатского строя состоял из 1000 солдат, разделенных на 10 рот [81, с. 165]. Генеральские полки состояли из 2000–3000 солдат и делились на тысячи. Выборные солдатские полки часто делили на промежуточные организационные подразделения – шкwadроны – из 3–6 рот каждый (обычно из 5), во главе с майором или подполковником. Существовали и отдельные шкwadроны.

2.3 Вооружение и боевое снаряжение кавалерии

Вооружение и снаряжение поместной конницы регулировалась соответствующими показателями: «конностью», «людностью», «оружностью».

Под «конностью» поместного войска XVI–XVII вв. понималась обеспеченность служилых людей лошадьми. Качество лошадей являлось главным показателем эффективности кавалерии. Хорошие лошади позволяли проезжать большую дистанцию за дневной марш, что давало возможность легко догнать отступающего противника, или быстро оторваться от преследования. Кроме того, сильный конь давал всаднику преимущество во время рукопашного боя.

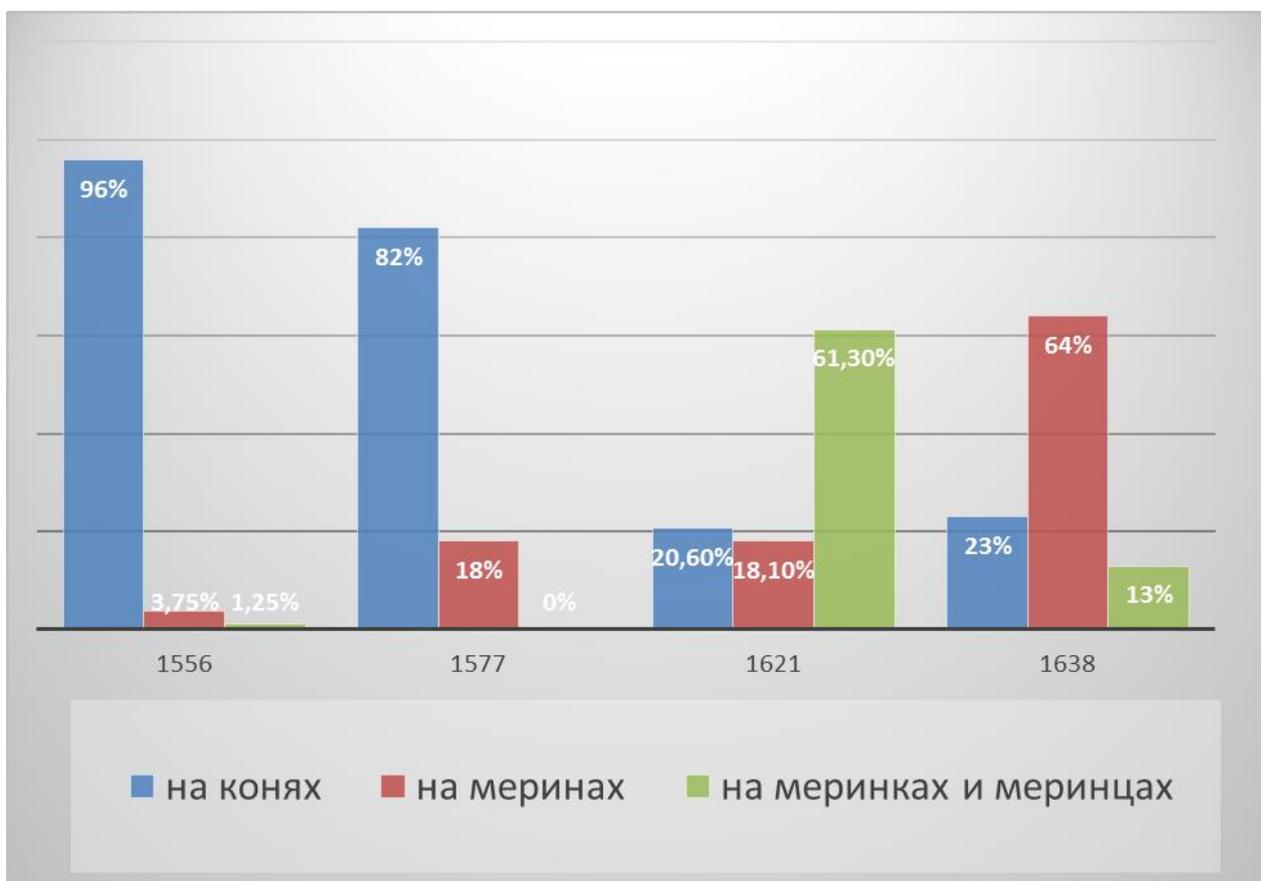
Для определения качества лошадей в XVI–XVII вв. использовались следующие понятия: конь, мерин и добрый мерин, меринок и меринец. Конем считалась крупная особь, высокая в холке, с широкой грудью, чаще ногайской породы. Меринок и меринец – невысокая особь, с признаками худобы и слабости. Мерин и добрый мерин – средняя особь, не считавшаяся ни конем, ни меринком, чаще русской породы.

В период с 1556 г. по 1638 г. показатель конности ухудшается. В 1556–1577 гг., в соответствии с данными каширской 1556 г. [126, с. 330] и коломенской 1577 г. [87, с. 1–42] десятен, дворяне и дети боярские выступали в поход на конях – 96% и 82% соответственно [таблица 2.1]. В результате социально-экономического кризиса конца XVI в. и Смутного времени качество кавалерии сильно снизилось. В 1621 г. из новгородских дворян и детей боярских на конях в поход выступало только 20,6% личного состава [30, с. 96–100]. При этом, подавляющее большинство служило на меринках и меринцах – 61,3% [таблица 2.1]. Несмотря на политическую стабильность и экономический подъем 30-х и 40-х годов XVII в. обеспеченность конями новгородских дворян и детей

Таблица 2.1 «Конность»

Тип боевых лошадей	1556г.		1577 г.		1621 г.		1638 г.	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Конь	351	96	308	82	73	20,6	132	23
Мерин и добрый Мерин	14	3,75	71	18	64	18,1	366	64
Меринок и Меринец	4	1,25	1	-	217	61,3	74	13
Итого	369	100%	380	100%	354	100%	572	100%

Рисунок 2.1 – «Конность»

боярских в 1638 г. не улучшилась: дворяне не вернулись к массовому использованию коней, вместо этого они пересели на добрых мерингов – 64% конного состава [30, с. 96–100, таблица 2.1]. Это значит, что дворяне XVII в. были обеспечены качественными лошадьми хуже, чем дети боярские середины XVI в. [рисунок 2.1].

Следующим показателем эффективности поместной конницы была «людность». Под людностью понимался личный состав поместной конницы. Личный состав состоял из: помещиков и боевых холопов. Количество боевых холопов, которых дворянин был обязан выставить в поход, зависело от размеров земельного владения и регулировалось нормами «Уложение о службе» 1556 г.

Боевые холопы делились на боевых слуг и кошевых и прочих холопов. Боевые слуги сражались плечом к плечу со своими помещиками верхом на мерине или коне. Их вооружение мало чем отличалось от помещичьего. Такие боевые слуги выступали в роли сотоварищей своих помещиков. Кошевые и прочие холопы сражались спешенными и были вооружены значительно хуже помещиков. Они могли быть использованы только в оборонительных действиях.

В период с 1556–1638 гг. в поместной коннице происходит изменение в составе боевых холопов: конные боевые слуги заменяются пешими кошевыми и прочими холопами. В соответствии с Боярской книгой на Серпуховском смотре в 1556 г. среди боевых холопов доминировали конные боевые слуги – 75,5% [99, с. 27–80, таблица 2.2]. Исследование В.М. Воробьева новгородских дворян и детей боярских 1638 г. установило уменьшение доли конных боевых слуг до 15% [30, с. 102, таблица 2.2]. Таким образом, к 1638 г. число пеших кошевых и прочих холопов среди новгородских дворян и детей боярских увеличивается в три раза с 24,5% до 85% [рисунок 2.2].

Замена конных боевых слуг пешими кошевыми холопами имела ряд негативных последствий. В 1556 г. поместное войско было конным и более-менее однородно вооруженным. Это позволяло ему совершать кавалерийские рейды на дальние дистанции и вступать в бой одним строем, без долгих приготовлений. К 1638 г. поместное войско стало гибридным конно-пешим войском, с большим разнообразием вооружения. Гибридное конно-пешее войско проходило за дневной марш меньшее расстояние, чем конное. Вступление конно-пешего войска в бой требовало длительной подготовки: необходимо было заранее выбрать поле боя, чтобы укрепить оборонительные рубежи для защиты пеших кошевых холопов.

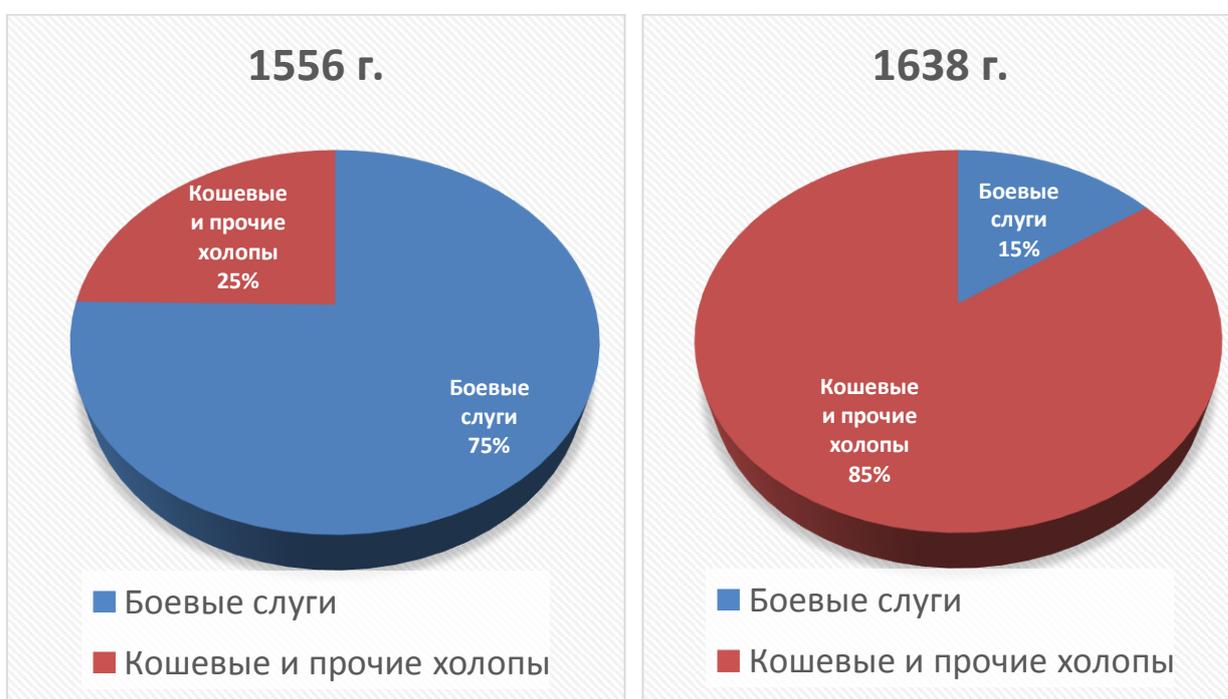
Последним показателем силы поместной конницы была «оружность», т.е. обеспеченность оружием и доспехом.

Согласно Боярской книги 1556 г. на Серпуховский смотр явилось 92 помещика, которые выставили 668 человек, из которых 164 были кошевыми холопами. Из 596 конных воинов, принимая в расчет самих помещиков и не считая кошевых, 429 носили железный доспех, что составляет 71% личного

Таблица 2.2 – «Боевые слуги и холопы»

Категории боевых холопов	1556 г.		1638 г.	
	Количество	%	количество	%
Боевые слуги	504	75,5	54	15
Кошевые и прочие	164	24,5	304	85
Итого	668	100	358	100

Рисунок 2.2 – «Боевые слуги и холопы»

состава. Не железный доспех, тегилай, носили 164 человека [99, с. 27–80]. Только три война не имели доспеха. Следовательно, в 1556 г. каждый конный воин имел доспех, при этом, почти у трех четвертей он был железным. Использовались различные типы железных доспехов: пансыри, кольчуги, бахтерцы, юшманы, куяки [38, с. 33–35].

В соответствии с данными Коломенской десятины, в 1577 г. поместная конница продолжала использовать доспехи. Из 279 коломенцев полный доспех имеют 163 человека, что составляет 59%. Из оставшихся, 113 имеют железный доспех, трое тегилай [87, с. 1–42].

В начале XVII в. в вооружении поместной конницы происходят значительных перемены. Во-первых, начинают постепенно выходить из употребления доспехи, что было вызвано обеднением помещиков.

Во-вторых, традиционное оружие помещиков (саадак, копье, рогатина) постепенно заменяется огнестрельным оружием. Данная тенденция заметна на примере новгородских дворян и детей боярских. К 1621 г. количество новгородских дворян и детей, вооруженных луком (саадаком) сократилось до 5,2% [30, с. 104–105, таблица 2.3]. Основным вооружением 1621 г. стала комбинация: пищаль и сабля. Пищаль была пехотным оружием, она не могла эффективно применяться в кавалерии. Следовательно, 87% вооруженных пищалью новгородских дворян и детей боярских не могли использовать пищаль верхом на лошади [30, с. 104–105, таблица 2.3]. Сабля становилась их единственным оружием.

В 1638 г. наблюдается некоторое улучшение: больше половины новгородских дворян и детей боярских (68,2%) заменили свои пищали на карабины [30, с. 104–105], которые позволяли вести огонь не спешиваясь. Однако, 23% продолжали использовать пищаль [рисунок 2.3].

Обеспеченность оружием ближнего боя среди новгородских дворян и детей боярских была неудовлетворительной. В 1621 г. только один воин имел на вооружении копье, а в 1638г. ни одного. В 1621 г. сабля была единственным оружием. В 1638 г. появилось незначительное разнообразие: один воин имел палаш, другой чекан [рисунок 2.3].

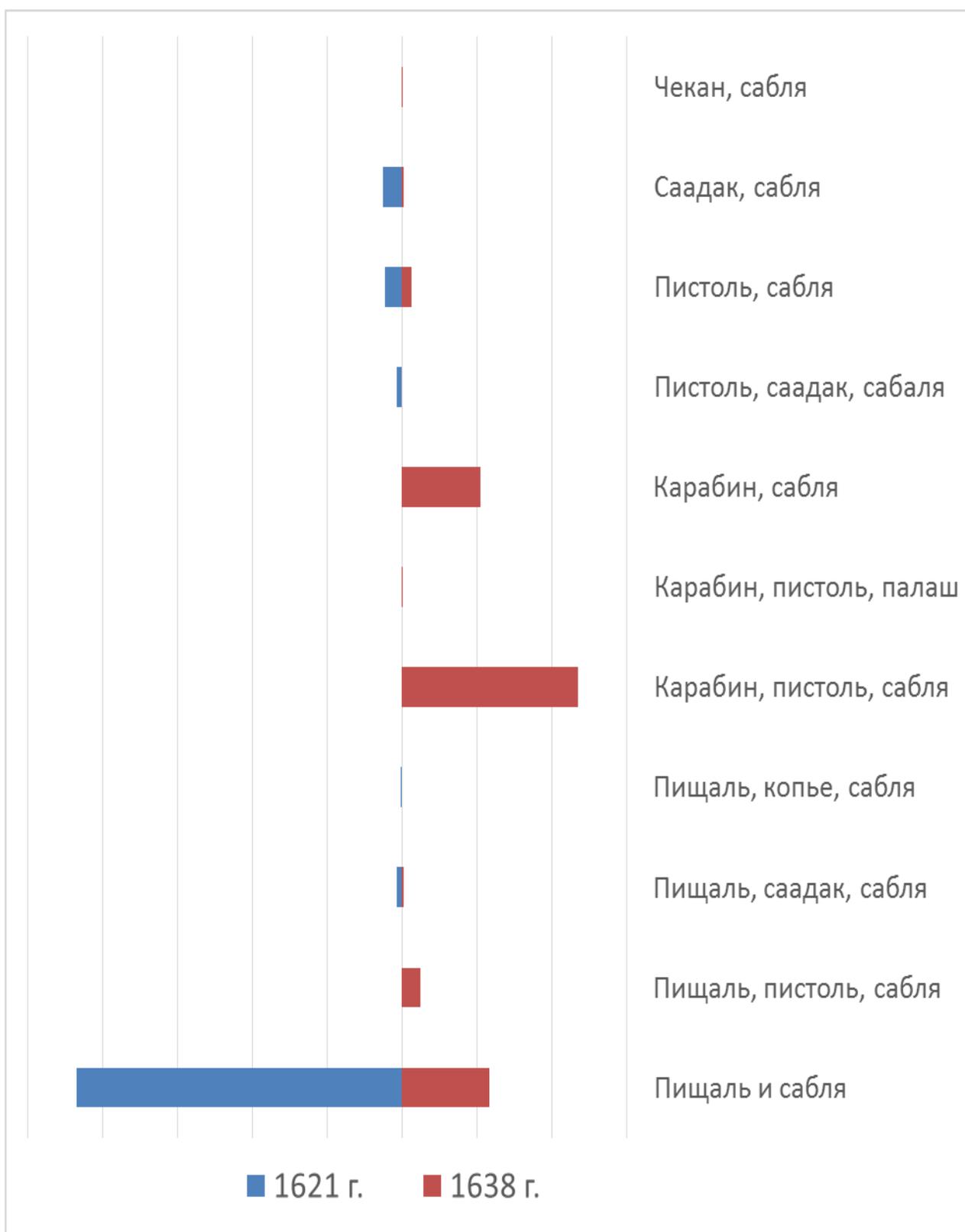
Сравнение с войнами Великого княжества Литовского демонстрирует недостаток оружия ближнего боя среди русской поместной конницы. В конце XVI в. кавалерия Великого княжества Литовского носила высококачественный доспех [21, с. 70–110] и располагала разнообразным холодным оружием. Конные литовские войны использовали два оружия ближнего боя. Одно обычное, например, саблю, другое специальное, предназначенное для пробивания доспехов противника, например, эсток [19, с. 36] или канчар [19, с. 41].

Отсутствие доспеха и оружия ближнего боя делало поместную конницу очень уязвимой в бою. Указанные недостатки позволяют полностью согласиться с мнением С.К. Богоявленского об упадке поместной конницы в XVIIв.: «Боевая

Таблица 2.3 - Вооруженность поместной конницы 1621-1638 гг.

Комплекты вооружения	1621 г.		1638 г.	
	Количество	%	Количество	%
Пищаль и сабля	303	87,1	133	23,3
Пищаль, пистоль, сабля	-	-	29	5
Пищаль, саадак, сабля	5	1,4	1	0,4
Пищаль, копье, сабля	1	0,3	-	-
Карабин, пистоль, сабля	-	-	270	47,2
Карабин, пистоль, палаш	-	-	1	0,2
Карабин, сабля	-	-	120	21
Пистоль, саадак, сабаля	5	1,4	-	-
Пистоль, сабля	16	4,6	15	2,6
Саадак, сабля	18	5,2	2	0,3
Чекан, сабля	-	-	1	0,2
Итого	348		572	100

Рисунок 2.3 – «Вооруженность поместной конницы 1621–1638 гг.

ценность иррегулярной конницы была незначительной, и ею можно было довольствоваться только тогда, когда и враг сражался шумной нестройной толпой. Но если дворянская конница выдерживала натиск татар, то она оказалась несостоятельной, когда встречалась с стройными рядами поляков и шведов» [18, с. 68].

Начиная с 1632 г. правительство создает новые полки кавалерии: рейтар, гусар и копейщиков. При этом, наибольшую заботу правительство уделяло рейтарским полкам. Новые полки имели ряд существенных преимуществ над поместной конницей.

Во-первых, ветераны полков рейтар, гусар и копейщиков были первые в очереди на получение вознаграждений за службу, о чем свидетельствуют многочисленные челобитные: рейтара Т. Стопкина [10, с. 27], рейтара Чупахина [10, с. 32] и др.

Во-вторых, в отличие от сезонной и кратковременной службы поместной конницы, служба полков рейтар, гусар и копейщиков была постоянной и круглогодичной. Это позволяло проводить регулярные учения в полках рейтар, гусар и копейщиков.

В-третьих, новым полкам рейтар, гусар и копейщиков предназначалось лучшее вооружение. Так, в 1660 г. в ответ на отписки из Белгорода князя Г.Г. Ромодамовского о неимении в новоприборных рейтарских полках оружия и изначальных людей, царь распорядился послать 1000 карабинов и 1000 пистолей [10, с. 176]. В 1661 г. новоприборным рейтарам в Псков послали 500 пар пистолетов, 500 карабинов, 491 лат гусарских с наручами, 269 лат рейтарских [10, с.356]. Столь внушительной концентрации лат и оружия в поместной коннице не встречалось.

Преимущества новых полков рейтар, гусар и копейщиков были должным образом оценены правительством. С 1650–1660-х гг. правительство делает заботу о новых полках свое первоочередной задачей. Поместному войску перестают уделять внимание и оказывать поддержку. В течении второй половины XVIIв. оно постепенно вырождается.

2.4 Вооружение и боевое снаряжение пехоты

Контакты с иностранными государствами сыграли важную роль на начальном этапе развития огнестрельного оружия в России.

В XVI в. Россия активно участвовала в международной торговле оружием. Россия экспортировала в Западную Европу дорогостоящую селитру [149, с. 78], самый главный компонент в составе пороха, а импортировала из Запада медь и олово [139, с. 38–39], необходимые для отливки бронзовых пушек. Русская армия закупала за границей готовое оружие: английские, голландские, шотландские,

итальянские и испанские мушкеты и пистолеты с кремневыми замками [80, с. 16–19]. Особой популярностью в русской армии пользовались импортные карабины и пистолеты с колесцовыми замками [80, с. 15].

Россия быстро осваивает иностранные технологии производства оружия. В начале XVI в. строятся центры ружейного производства в Москве, Пскове и Новгороде. Тогда же русские мастера начинают изготавливать карельский тип ружейного замка, созданный на базе скандинавского замка [80, с. 16–19]. Со временем карельский замок заменили на кремневый замок «русского типа» [80, с. 16–19]. Это позволило модернизировать пищаль: фитильный замок заменили кремневым, ствол удлинили. Получившееся в результате оружие назвали «длинной пищалью» [83, с. 89]. В начале XVII в. русские оружейники осваивают устройство французского батареинового кремневого замка [80, с. 21].

Выдача оружия за счет казны была официальным принципом организации русской пехоты. Однако, государство не придерживалось его строго. Поэтому получила распространение практика выдачи пехоте вместо оружия символической суммы денег на самовооружение. Так обстояло дело с Ядринскими стрельцами в 1614 г.: «пищалей не дано, потому что в Ядрине в государевой казне пищалей нет...и тем стрельцам дал из государевой казны за пищали по 14 алтын денег» [3, с. 419]. Ядринские стрельцы не были единичным случаем. В 1618 г. при массовом наборе стрельцов новобранцы вновь получили вместо оружия деньги: «новоприборным стрельцам велено дати...на самопалы по двадцать алтын человеку» [66, с. 581–582].

К началу XVII в. стоимость фитильного ружья составляла 22 алтына [25, с. 330]. С 1618 г. стоимость фитильного ружья стала расти. Один только фитильный замок стал обходиться в 10 алтын [48, с. 270]. К 1640-м г. стоимость фитильного ружья выросла до 1 руб. 23 алтына [25, с. 330]. Следовательно, стоимость фитильного ружья превышала сумму, выданную стрельцам на его покупку (14–20 алтын). Получившие государственные деньги стрельцы так и не смогли купить себе фитильных ружей. Вооружение таких стрельцов сократилось до бердыша [83, с. 95].

Даже когда стрельцы владели ружьями, они не могли научиться ими пользоваться. Приобретение навыков точной и быстрой стрельбы требовало регулярных тренировок. Стрельцам пороха и свинца для пуль не выдавали. Каждый свой выстрел они оплачивали сами. Поскольку порох был дорогим, регулярные тренировки стали недопустимо разорительными для стрельцов. В схожем положении находились городовые казаки.

Во второй четверти XVII в. полки пехоты отличались разной степенью подготовленности к ведению группового огня. Полки московских стрельцов, солдат иноземного строя 1630-х г., выборных солдат 1650–1670-х г. проходили обучение «в Москве на глазах у государя» [17, с. 13]. Личный состав этих полков осваивал контрмарш, караколь, залповый огонь и огонь шеренгами. Даточных

солдат обучали значительно хуже. У многих городских стрельцов и казаков групповых занятий по стрельбе не было вовсе [5, с. 72].

В отношении холодного оружия и боевого снаряжения между полками также наблюдались значительные различия.

Стандартным холодным оружием стрельцов был меч и бердыш. Стрельцами использовались различные типы мечей, обычно невысокого качества. Значительно выше ценились сабли. Бердыш чаще всего ассоциируется со стрельцами. Для ведения рукопашного боя он был неудобен. Однако, бердыш имел ряд дополнительных функций: он мог быть использован для строительных работ, и он обеспечивал опору во время стрельбы. Неполная вооруженность стрельцов была распространённым явлением. В тяжелые периоды нехватки финансов, бердыш становился единственным оружием городских стрельцов [25, с. 95].

Поскольку московские стрельцы были предметом особых забот, они получали дополнительное вооружение. Ряд московских приказов обладал значительным запасом ручных гранатных ядер, наподобие тех, что использовали гренадеры западноевропейских армий. Московским стрельцам выдавалось древковое оружие. Так, Разрядная книга содержит запись о вооружении московский стрельцов от 1679 г., в которой указывается наличие: «1000 полупишныхъ копейцовъ» [65, с. 1321]. Для подавления бунтов московские стрельцы использовали протазаны, копья и рогатины. Во время царских выходов московские стрельцы шествовали с золочеными пищальями, с копьями или алебардами, украшенными шелковыми кистями [49, с. 394].

Западное холодное оружие и боевое снаряжение появилось в России во время подготовки к Смоленской войне 1632–1634 гг. Оно было выдано пехотным полкам иноземного строя. Пики, алебарды, мечи, шпаги были иностранного производства: Швеции, Голландии и Англии [9, с. 461]. Пехотные латы импортировались из Швеции [9, с. 461; 150, с. 71].

К середине XVII в. русские оружейники смогли наладить собственное производство нового боевого снаряжения пехоты. Была произведена унификация снаряжения в виде «солдатской службы», включавшей «натруску» с порохом для затравки, «лядунку» (патронницу с готовыми зарядами) с поясом лядунечным и к ним «мерку пищальную», «банделеры» (перевязи для ношения оружия) [48, с. 274]. Началось производство русских лат.

Однако, западное холодное оружие и снаряжение не получили повсеместного распространения. Источники сообщают, что такое оружие и снаряжение выдавалось только выборным солдатам. В 1660 г. князь Ю.А. Долгорукий получил в Смоленске «780 спись долгих», пик, [10, с. 153] для вооружения выборных солдат. В следующем 1661 г. Ю.А. Долгорукий вновь получает пики [10, с. 431]. Запись в Разрядной книге 1679 г. сообщает, что «в оружейных амбарах» Киева хранилось 1268 пар лат, 1172 шишака, латные

«полы», задние и передние «доски» латные— все это велено было «починить и вычистить и устроить совсем заново» в связи с происходившей тогда войной с Турцией. При этом Разрядная книга содержит специальное уточнение, что все это предназначено для выборных солдат: «и латы, и оплечи, и шишаки ... велел ты роздать, въ выборные салдацкіе полки генерала Агея Алексеявча Шепелева салдатомъ» [65, с. 1163–1164].

Источники не содержат сведений о выдаче пик и лат даточным солдатам. Пехотная тактика XVII в. требовала овладения пикой. Важное преимущество пики состояло в том, что она позволяла задействовать от 4 до 6 шеренг одновременно. Передние шеренги сражались как копейщики, а задние шеренги поднимали пики на уровень плеч и над головой, чтобы наносить удары по противнику сверху вниз поверх голов своих товарищей. Передние шеренги должны были носить латы для защиты от холодного оружия противника. Десятки тысяч даточных солдат не получили ни древкового оружия, ни лат. Они не могли сражаться в соответствии с тактикой XVII в. Это значительно снизило их боевую эффективность.

Несмотря на это, в середине XVII в. численность даточных солдат начала быстро расти. Исследование вооружения и боевого снаряжения пехоты доказывает, что причина роста численности даточных солдат не была связана с их боевой эффективностью.

ГЛАВА 3. РЕФОРМЫ ИВАНА IV

3.1 Начало стрелецкого войска

В историографии высказывались различные точки зрения на происхождение стрельцов. Выделяются три основных теории происхождения стрельцов: эволюционная, теория А.В. Чернова и заимствования.

Н.К. Карамзина стал родоначальником эволюционной теории. Н.К. Карамзин полагал, что стрельцы произошли от пищальников Василия III: «Уже при отць его, В.К. Василии, брали с городовъ *Пищальниковъ*, которые были то же, что стрельцы» [61, Прим. 493].

Пищальниками были пехотинцы, вооруженными огнестрельным оружием. Пищальники упоминаются в источниках с 1508 г.: «...и нарядить с городов пищальников» [88, с. 41]. Затем в 1-й Псковской летописи под 1510 г. о присылке в Псков из Москвы «пищальников казенных» и об оставленных Василием III в Пскове после отъезда оттуда 500 пищальников новгородских [94, с. 288].

В работах С.Л. Марголина эволюционная теория получила дальнейшее развитие. По мнению С.Л. Марголина, появление стрельцов стало следствием постепенного развития пищальников [84, с. 48–51]. С.Л. Марголин полагал, что первые выборные стрельцы были сформированы из отборных (выборных) людей отрядов пищальников во время подготовки к Казанскому походу .1550 г. [84, с. 51]. Русский Хронограф подтверждает данную теорию: «Того же лета учинил у себя царь...выборных стрельцов...а головы у них учинил...а у него пищальников 500...» [122, с. 532]. Вначале Хронограф использует слово «стрельцы» для обозначения полка в целом, но затем начинает описывать деление этого же полка на статьи (отряды) по 500 человек, и заменяет слово «стрельцы» словом «пищальники». Для Хронографа слова стрельцы и пищальники являются взаимозаменяемыми синонимами. На этом основании С.Л. Марголин выдвинул идею о том, что после создания первых стрельцов в 1550 г., стрельцы и пищальники одновременно сосуществовали друг с другом в течение некоторого времени [84, с. 51].

А.В. Чернов был противником приравнять стрельцов к пищальникам. А.В. Чернов считал, что первый трехтысячный полк «выборных» стрельцов был образован в 1550 г. из невыборных стрельцов [142, с. 286]. А.В. Чернов предполагал, что к 1550 г. невыборные стрельцы уже существовали, но об этом не сохранилось упоминаний в источниках [142, с. 286]. В качестве возможной точки отсчета появления невыборных стрельцов А.В. Чернов предлагал считать 1546 г., когда в Коломне произошло столкновение между пищальниками и дворянами, которое должно было подорвать доверие царя к пищальникам [142, с. 286]. А.В. Чернов считал, что стрельцы не могли быть набраны из

пищальников, так как последние привлекались на службу временно и в принудительно порядке, выборные же стрельцы всегда «прибирались» в службу добровольно. Подчеркивая отсутствие преемственности между пищальниками и стрельцами, А.В. Чернов утверждал, что: «стрельцы ничего общего не имели с пищальниками» [142, с. 290].

Н.Е. Носов объяснил противоречия двух теорий. Н.Е. Носов подверг критике как Марголина, так и Чернова, за то, что те говорили о пищальниках «вообще», не учитывая различия между казенными пищальниками и пищальниками-ополченцами [97, с. 111]. Казенные пищальники были представителями обеспеченного городского населения. На них распространялись жалованные грамоты, освобождающие их от различных сборов. Казенные пищальники подрабатывают ремеслом и промыслом: владеют судами, занимаются рыбной ловлей [11, с. 94–108], имеют собственные торговые лавки [97, с. 113]. Они считались «людьми великого князя», потому что были подсудны великокняжескому казначею и городовым приказчикам. Как и стрельцы, казенные пищальники получали денежное и хлебное жалование. Казенные пищальники считались людьми нетяглыми, то есть были освобождены от черного посадского тягла. Пищальники-ополченцы, не имели подобных привилегий. Пищальники-ополченцы были классическим примером посохи – принудительно набранных представителей тяглового населения для единичного похода. Н.Е. Носов пришел к выводу, что эволюционная теория С.Л. Марголина построена на основе казенных пищальников, а теория А.В. Чернова — на пищальниках-ополченцах [97, с. 111].

Н.Е. Носов был сторонником эволюционной теории, постепенной реорганизации казенных пищальников в стрельцы. При этом он считал, что историки склонны переоценивать значение стрельцов, созданных Иваном IV в 1550 г.: «так называемой стрелецкой реформы» [97, с. 111–112]. По его мнению, вся суть стрелецкой реформы состояла в отказе от пищальников-ополченцев, и замене их денежным налогом, «пищальными деньгами» [97, с. 112]. Это происходило постепенно. Первые упоминания о замене пищальников-ополченцев денежным налогом относятся к 1530-м годам [124, с. 418–419].

Теория заимствования, согласно которой, появление стрельцов стало результатом копирования османских янычар, популярна среди современных западных историков. Так, Брайн Дэвис, изучив развитие армий восточной Европы XVI в. (русской, польской, литовской и османской) сделал заключение, что организация, вооружение и тактика стрельцов были скопированы с янычар, потому что стрельцы были созданы не для войны с Западом, а для войны с Востоком, против «татар и степи» [150, с. 44]. По мнению Кеннета Чейза, Москва копировала не просто самих янычар, а всю османскую военную систему в целом: «timariot», полурегулярная конница, янычары и артиллерия Осман, превратились в русских помещиков, стрельцов и пушкарей [149, с. 78].

Сходство между стрельцами и янычарами проявлялось в нарядах, характере службы и тактике боя. Стрельцов с янычарами роднит атмосфера особой восточной роскоши и церемониальности. Стрельцы особого дворцового полка именовались «стремьянными». Согласно Флетчеру их численность составляла 2000 человек [138, с. 64]. Роскошь, блеск и яркость их нарядов явно подражала стамбульским янычарами: «в цветном лучшем платье», «с золочеными пищалями, ложи коих украшены были перламутровыми раковинами», «с золочёнными копьями», «с нарядными золочеными протазанами, у которых ратовища и древки были обтянуты желтым и червчатым атласом, с золотым галуном, и украшены шелковыми кистями» [49, с. 394].

Стрельцов с янычарами объединяет наличие общих черт службы: пожизненность, наследственность и совмещенность с гражданскими приработками и обязанностями. Однако, так было не всегда. До второй половины XVI в. янычары формировались за счет системы «devsirme» - набора в янычары детей христианских рабов. Современные исследователи полагают, что главным недостатком системы «devsirme» была дороговизна [149, с. 86]. Обучение мальчиков с раннего возраста боевым приемам, этикету и гуманитарным наукам требовало значительных затрат [151, с. 3–4]. В XVI–XVII в. происходит значительное увеличение численности янычар с 7886 янычар и 3553 кадета в 1527 г. до 39470 янычар и 8742 кадета в 1670 г. [158, с. 45]. Султан вынужден сократить расходы на янычар, что приводит к постепенной отмене системы «devsirme» в период с 1568–1648 гг. [159, с. 14]. В течение этого периода служба большинства янычар становится добровольной, пожизненной и наследственной [151, с. 9–10] — такой же как стрелецкая. Подобно стрельцам, янычары совмещают службу с невоенными заработками и обязанностями [151, с. 9–10].

Наконец, стрельцов с янычарами связывает похожая тактика боя: они пехота поддержки, которая ведет огневой бои под защитой оборонительных сооружений и обеспечивает коннице позицию для перегруппировки после неудачных атак [149, с. 93].

Сходство между стрельцами и янычарами было настолько очевидно, что стало общеизвестным уже в XVII в.: «главная сила Русских заключается в пехоте и, совершенно справедливо, может быть уподоблена турецким янычарам» [115, с. 125]. Оно свидетельствует в пользу значительного османского влияния на формирование стрелецкого корпуса России XVI в. Однако, в российской историографии данный вопрос остается малоизученным. Единственную попытку сопоставления стрельцов и янычар предпринял С.Л. Марголин в 1948 г. [83, с. 93].

Из трех вышеописанных теорий происхождения стрельцов настоящее исследование считает главной эволюционную теорию постепенного развития стрельцов из казенных пищальников (Н.К. Карамзин, С.Л. Марголин, Н.Е.

Носов). Эволюционная теория подтверждается летописью. При описании осады Казани 1530 г. летописец употребляет слово «стрельцы» чтобы обособить казенных пищальников от посохи, состоявшей из пищальников-ополченцев: «И которой был наряд, пищали полуторные и семипядные, и сороковые, и затинные, привезен на телегах на обозных к городу, а из иных было стреляти по городу, и посошные и стрельцы те пищали в тот дождь пометали» [106, с.25].

Принятие эволюционной теории происхождения стрельцов вынуждает пересмотреть главные цели стрелецкой реформы 1550 г. Цель создания пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, нужно исключить. В лице казенных пищальников, пехота «огненного боя» уже существовала в тому времени более 20 лет. Следовательно, стрелецкая реформа 1550 г. должна была преследовать иные цели:

1. отказаться от пищальников ополченцев и заменить чрезвычайный призыв тяглого люда регулярным денежным налогом — «пищальными деньгами»;

2. изолировать казенных пищальников от населения посада, создав слободскую организацию. Источники указывают на то, что до Ивана IV слободской организации не существовало. Разрядный и Разметный списки, «о сборах с Новгорода и Новгородских Пятин ратных людей и пороха по случаю похода Казанского» от сентября 1545 г. описывают место проживания казенных пищальников следующим образом: «с пищальниковъ с Новгородскихъ с казенных со всех, которые живут на белых и на гостиных местах и на черных местах» [12, с. 185]. Это значит, что до 1550 г. казенные пищальники рассредоточивались по всему городу и свободно контактировали с посадскими людьми;

3. разделить казенных пищальников, на московских стрельцов и городских стрельцов. Сделать службу московскую, при царе, самой высокооплачиваемой и престижной;

4. создать дворцовую стрелецкую охрану, подобную янычарам султана Османской империи.

Достижение этих четырех целей не гарантировало повышения боевой силы русской пехоты, но оно способствовало укреплению власти царя внутри страны.

3.2 Усиление власти царя над служилыми людьми

В царствование Ивана IV усиливается власть царя над служилыми людьми. Это происходит в результате принятия ряда законодательных актов: Судебник 1550 г., Приговор о распределении воевод по полкам и отмене местнических счетов на время походов 1550 г., Государев родословец 1555 г., Государев разряд 1556 г., Указ «Об отмене кормлений и введении земского самоуправления» 1555 г., Уложение о службе» 1555/56 г.

Судебник 1550 г. значительно изменил положение служилых людей по отечеству. Судебник ограничил судебные привилегии удельных князей. Ст. 64 гласит: «А детей боярских судити намесником по всем городом по нынешним царевым государевым жалованным по их вопчим грамотам» [104, с. 249]. Данная норма представляет собой отсылку к государевым жалованным грамотам, в соответствии с которыми наместникам запрещалось судить детей боярских «оприч душегубства и татьбы и разбоя с полным (поличным)» [122, с. 529]. Но даже при рассмотрении дел данной категории наместники не имели права ни отпускать, ни казнить виновных детей боярских. В соответствии со ст. 71 Судебника им запрещалось предпринимать какие-либо действия «без доклада» царю [106, с. 252]. Таким образом ст. 64 и 71 Судебника установили царский контроль за судопроизводством по делам с участием военнослужащих. Подобное ограничение судебных прав подрывало авторитет наместников (знати).

Статья 81 Судебника запрещала принимать детей боярских в холопы: «детей боярских служилых и их детей, которые не служивали, в холопы не приимати никому, оприч тех, которых государь от службы отставит» [106, с. 256]. Данную статью можно трактовать двояко: либо законодатель желал защитить детей боярских от деклассирования, либо ограничивал их свободу. Последнее более вероятно. В XVI в. сын боярский был обязан служить государеву службу до полной потери сил; отставку получали только самые старые и увечные люди [103, с. 193]. Самым распространенным способом уклониться от государственной службы был переход детей боярских на частную службу, в услужение к знатым лицам и богатым землевладельцам. Становясь знакомцами или холопами богатых землевладельцев, дети боярские защищались от требований государственной власти [103, с. 193–194]. При такой трактовке, главной целью законодателя было пресечение уклонения от государственной службы. Поэтому М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что в ст. 81 Судебника государство защищало свои собственные интересы, выражавшиеся в нежелании потерять часть воинского контингента [24, 121–122]. Аналогичных взглядов придерживался Б. А. Романов, считая, что в Русском государстве было «полное политическое равнодушие к личной свободе сына боярского» [104, с. 324].

В Московском царстве XV–XVI в. высшие гражданские и военные должности занимались в соответствии местническим отечеством. Местничество (местническое отечество) – это унаследованное от предков отношение по службе служилого лица и целой служилой фамилии к другим служилым лицам и фамилиям [63, с. 137]. Это значение приобреталось предками и становилось наследственным достоянием всех членов фамилии – как стояли предки, так вечно должны стоять и потомки.

Местничество предопределяло место командира в московской армии XV–XVI в. Разрядные книги свидетельствуют о делении войска на пять полков по старшинству: Большой полк, Правой руки полк, Передовой полк, Сторожевой

полк, Лево́й руки полк [111, с. 22–23]. Каждый полк имел одного или нескольких воевод, смотря по численному составу полка, по числу сотен и рот. Должности этих воевод распределялись по старшинству в соответствии со знатностью, то есть отечеством.

В 1550 г. был издан «Приговор о распределении воевод по полкам и отмене местнических счетов на время походов». Приговор существовал в нескольких редакциях. Самой ранней была редакция 1549 г. Выделяется две редакции 1550 г.: одна в разрядных книгах, другая В.Н. Татищева, которую он включил в свое издание царского Судебника, взяв текст приговора из Никоновской летописи, где он помещен под 1550 г.

А.А. Зимин [55, с. 342–345] и Н.Е. Носов [52, с. 9–12] не видели в Приговоре антимернической направленности. Наоборот, они указывали на компромиссный характер нормы — Приговор мог носить временный характер, законодатель официально не отменял местничество. И.И. Смирнов [125, с.493–406] считал, что Приговор не только запрещал местнические счета во время походов, но и вообще ограничивал систему военных назначений по «отечеству». Обе точки зрения в чем-то правильны: А.А. Зимин и Н.Е. Носов исходят из буквы закона, И.И. Смирнов из духа закона.

Приговор содержит две части. Первая устанавливает старшинство воевод Большого полка. Их должности (первого и второго воеводы) изымались из местнических счетов — «быти им без мест» [51, с. 29–30]. Определить значение данной части не просто. С одной стороны, воевода большого полка стал старше по званию других воевод. На этом основании А.А. Зимин и Н.Е. Носов считали, что Приговор служил прогрессивной цели централизации командования. Это толкование буквы закона.

С другой стороны, вмешательство царя в распределение высших назначений в армии ставило продвижение воевод по службе в зависимость от его воли. В местническом споре между А.П. Охлябиным (второй воевода в левой руке) и Д.Ф. Карповым (второй воевода в сторожевом полку) царь вопреки Приговору распределил воевод по своему желанию: «И то князь Ондрей дурует: ведаем мы и сами своих холопей, на свою службу посылаем, где кому пригоже быть, а те полки давно приговорены посылать без мест» [112, с.35–36]. Нарушая порядок старшинства, установленный Приговором 1550 г. (второй воевода левой руки был ниже соответствующих воевод других полков), царь добавлял весомый аргумент своей воли: «а не похотят князь Иван Кашин и князь Ондрей Охлябинин по нашему наказу на нашей службе быть и списков не возьмут, и им от нас быть в великой опале» [112, с. 36]. Это доказывает, что для царя была важна не «буква» закона, а «дух» закона.

Вторая часть Приговора 1550 г. регламентирует положение больших дворян и детей боярских. Согласно второй редакции Приговора: «В полках быти

Таблица 2.1 Иерархии воевод

Большой полк	Правой руки полк	Передовой полк	Сторожевой полк	Левой руки полк
1				
2	1	1	1	1а
3	2	2	2	1б
4	3	3	3	2
	4	4	4	3
				4

Примечание: 1а и 1б означает, что первый воевода левой руки равен одновременно второму и третьему воеводам Большого полка и первым и вторым воеводам остальных полков [100, с. 561].

княжатам и детям боярским с воеводами без мест, ходити на всякие дела со всеми воеводами для вмещения людям, а в том отечеству их унижения нет» [51, с. 29–30]. Данная часть запрещает дворянам и детям боярским выбирать полк несения службы. Отписка 1616 г. воевод князя Василия Куракина и Ивана Бутурлина «О не дозволении служилым людям переписываться из полка в полк» свидетельствует о сохранении запрета в XVII в. Из Отписки очевидно, что к 1616 г. переводы из полка в полк совершались только по указу государя и под контролем разрядных дьяков [8, с. 149]. Но даже в этом случае, их старались избежать: дворяне и дети боярские пытались воспользоваться путаницей, вызванной такими переводами, чтобы бросить службу и стать «нетчиками» [8, с. 149]. Поэтому воеводы просят царя окончательно запретить переходы из полка в полк. Право выбирать офицера под чьим началом нести службу было общеевропейской традицией. Оно влекло смену части прохождения службы (роты, полка). В западной Европе один из первых запретов на смену части ввел Фридрих Великий по окончании Семилетней войны 1756–1763 г. [152, с. 49–51]. Тот факт, что до конца XVIII в. в переводе из части в часть европейские армии не видели угрозы для боеспособности дает основание предположить, что введение в России запрета на перевод в середине XVI в. преследовало скорее политические, чем военные цели.

Второй части Приговора не было уделено достаточного внимания в историографии. При Иване III в Василии III служилая знать продолжала выставлять в поход определенное количество личных детей боярских. Поэтому споры о местничестве имели важную экономическую подоплёку: если знать приводили своих детей боярских им приходилось разделять бремя их содержания, таким образом, мобилизованные дети боярские становились людским и финансовым капиталом того или иного знатного лица. Поскольку

этот «капитал» мог быть потерян в результате неразумного или корыстного приказа военачальника, стремление знати приходить на службу к строго определенному воеводе защищало не только местническую честь-отечество, но реальные финансовые инвестиции. Приводить детей боярских к назначенному царем воеводе означало отказ от контроля над своими вложениями.

Стремление царя лишить знати контроля над отрядами детей боярских подтверждается введением новой практики назначения сотников (сотенных голов). Сотня была главным структурным подразделением конницы [92, с. 9]. До 1550 г. сотня сама избирала своих сотенных голов. После 1550 г. сотенные головы стали назначаться Москвой [150, с.42].

Приговор «О распределении воевод по полкам» 1550 г. местничество не отменял, поэтому требовалось усилить контроль над местническими счетами. С этой целью в 1555 г. был составлен Государев родословец. В соответствии с традицией, споры между воеводами о старшинстве решались путем апеллирования к своей родословной, которая подтверждалась текстами родословцев. Существовало множество частных родословцев. Государев родословец должен был стать главным официальным документом. Он был составлен путем проверки и разработки росписей, представленных отдельными фамилиями [77, с. 9]. Государев родословец состоял из 43 глав и хранился в Разрядном приказе. Родословцем пользовались для выдачи официальных справок: «А князь Василий Звенигороцкой писал из Смоленска к государю, что ему меньши брата своево меньшова князя Ондreja Звенигороцкого быти невмесно. И государь указал про то сыскать родословцом» [111, с. 10].

Составление Государева разряда в 1556 г. также было связано с Приговором «О распределении воевод по полкам» 1550 г. Если Приговор устанавливал нормы отношений между воеводами в будущем, то основой для них должны были послужить материалы прошлого, вошедшие в Государев разряд [145, с. 166]. В числе авторов Государева разряда были те же лица, что составляли Государев родословец. Они собирали и проверяли как официальные тексты, так и тексты, составленные частными лицами на частные средства [88, с. III]. Государев разряд представлял собой официальную разрядную книгу за 80 лет назад, начиная с 1475 г. [63, с. 138]. Ведение росписей по полкам началось с конца XV в. [78, с. 305], первые случаи местнических споров относятся примерно к этому же периоду [78, с. 94], это объясняет выбор начальной точки отсчета – 1475 г. Таким образом, царь собрал практически всю историю местнических конфликтов до дней его правления.

До появления Государева родословца 1555 г. и Государева разряда 1556 г., родословцы и разряды составлялись частными лицами [78, с. 304]. Установление главенства государственного издания способствовало укреплению власти царя. Той же цели служил Указ «Об отмене кормлений и введении земского самоуправления».

По Указу об отмене кормлений феодальные наместники «бояре, вельможи и все войны» уступали право вершить суд по преступлениям определенной категории – «разбой, татбы, и всякие дела» – выборным земским властям: «старостам, сотским, пятидесятникам и десятникам» [51, с. 37–38]. Данная норма служила развитию земского самоуправления. При этом, городам и волостям вменялось в обязанность выкупить свое самоуправление: «А на грады и на волости положи оброки по их промыслом и землям» [51, с. 37–38]. Речь идет о «кормленном о(т)купе», специальном оброке, собираемом с посадских и волостных людей вместо посошного корма и иных сборов и судебных пошлин, шедших ранее в пользу наместников. Взамен утерянных доходов, наместникам назначалось пропорциональное государеву денежное жалование, в соответствии с их отечеством и родством. Благодаря этому царь выступал в роли посредника.

Ликвидация системы кормлений позволила заменить многочисленных кормленщиков специально созданными органами местного самоуправления, которые попали под контроль царской власти. С одной стороны, это помогало более энергично держать в повиновении эксплуатируемое большинство населения [55, с. 436]. С другой стороны, это позволяло освободить основную массу дворян от кормленных функций, которые отвлекали их от воинской службы.

Указ «Об отмене кормлений и введении земского самоуправления» способствовал стабильности службы. При системе кормления рядовые служилые люди лишь время от времени получали кормления на год-другой. После отмены кормлений и принятия Уложения о службе 1555/1556 г. за исправное несение воинской службы они получали регулярное вознаграждение.

Как было указано выше, Приговор 1550 г. «Об отмене местнических счетов» лишил знать мотивации приводить с собой на службу своих личных детей боярских. В целях борьбы с этим, правительство решило заменить добровольный порядок принудительным. Для этой цели было издано «Уложение о службе» 1555/56 г. Поскольку знать владела землёй на вотчинном праве, логичным шагом было бы уравнивать вотчинную службу к поместной. Что и было сделано: «А с вотчин и поместья уложенную службу учиниша...» [51, с. 38].

Предположительно, что именно с этим надо связывать уменьшение у русской знати количества личных детей боярских. Если знатный человек мобилизует много воинов, он уступит их царскому воеводе. Если не приведёт воинов в поход, то в соответствии с Уложением 1555/1556 г.: «А хто землю держит, а служба с нее не служит, и на тех на самех имати деньги за люди.» [51, с. 38]. То есть он заплатит штраф в соответствии с нормой: «со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне, в доспесе в полном, а вдальний поход о дву конь» [51, с. 38].

Таким образом, Приговор о распределении воевод по полкам, Указ об отмене кормлений и Уложение о службе тесно взаимосвязаны. В летописи по

Никонову списку Указ об отмене кормлений помещен под 1556 г. вместе с Приговором об отмене местнических счетов, сразу ниже последнего, при этом текст Указа неразрывно связывается с «Уложением о службе» того же года [121, с. 258–261]. В совокупности данные законы изменили отношения между царем, знатью и рядовыми служилыми людьми. Возвышение первого воеводы большого полка усилило царской контроль над воеводами. Благодаря запрещению переходов из полка в полк и замене кормлений государевым жалованием, рядовые служилые люди лишились опеки знати. Назначение сотенных голов из Москвы увеличило контроль над каждой сотней.

Усиление власти царя над служилыми людьми имело социальные и военные последствия. Дети боярские с их вотчинными правами стали неудобными для государства. Дворяне с условным владением землей были более зависимыми и легче управляемыми. Поэтому целью социальной политики государства стала поддержка дворян, которые со временем возвысились над детьми боярскими [24, с. 121–122].

Лишившись поддержки знати, служилые люди стали беззащитны перед царской властью. Добровольная служба стала сменяться принудительной. В результате этого боеспособность служилых людей снижалась.

В 1556 г. по данным Боярской книги дворянское войско царя обладало большой силой. Н.Е. Носов, сопоставив Боярскую книгу 1556 г. с Тысячной книгой 1550 г., Дворовой тетрадью 50-х годов XVI в. и Каширской десятней 1556 г. пришел к выводу, что в Боярскую книгу 1556 г. были записаны представители привилегированного слоя служилого дворянства «лучшие по отечеству и службе» [98, с. 219–220]. Среди них были не только помещики, но и вотчинники. Размеры владений некоторых лиц были очень значительными. Например, князь Данило Юрьевич Сицкой имел вотчину в 2 сохи, князи Иван Васильевич Литвинов Масальский имел 660 четвертей вотчины и 400 четвертей поместья [99, с. 69–70]. Будучи богатыми землевладельцами, указанные в Боярские книги 1556 г. лица приводили к царю своих боевых слуг относительно добровольно. В соответствии с Уложением о службе за невыполнение нормы по набору служилых людей землевладельцу грозил денежный штраф.

К концу 1570-х г. происходят важные перемены. Если в 1556 г. правительство не требовало никаких дополнительных гарантий своевременной явки на службу и исправного несения ее, то в десятилетиях 1577–1579 гг. после указанного размера поместного оклада и денежного жалования служилого сына боярского и перечня, требуемого с него вооружения, следуют имена в 1577 г. двух, а в 1579 г. трех поручителей за данного служилого человека в исправном несении им государевой службы [87, с. 1–40, 220–224]. Такая служба держалась на страхе перед расправой над самим служилым человеком, его семьей и поручившимися за него людьми [1, с. 192].

Подобное принуждение вело к разорению дворян и детей боярских и падению боеспособности поместного войска.

3.3 Усиление власти царя над князьями

Усилению власти царя над служилыми князьями способствовали отмена права отъездов и опричнина.

С началом царствования Ивана IV меняется отношение к праву отъезда во владения другого сюзерена. Если для Рюриковичей право на отъезд от господина в любое время и при любых обстоятельствах являлось необходимым условием вольности службы, то для Ивана IV право отъездов стало значить прямую государственную измену.

Сохранившаяся от 1547 г. запись о прошении князя Ивана Ивановича Пронского на командование приграничным корпусом, красноречиво свидетельствует о царском отношении к малейшим контактам с «варварами». Для получения должности И.И. Пронскому было необходимо: использовать посредничество и поручительство московского митрополита Макария и духовенства; дать клятву о невыезде из государства; обещать не вступать в контакт с иностранцами без ведома государя; обязаться арестовать и представить пред царем любого в его войске, кто замыслит сбежать за границу, или станет общаться с иностранцами; поклясться, что если кто-либо из иностранцев вступит с ним в переговоры, того И.И. Пронский арестует и доставит царю; обещать, что все, что И.И. Пронский узнает от царя, он никогда никому не расскажет; и последнее, – обещать служить без хитростей [128, с. 454].

Клятвы верности не было достаточно. Для отъезда к линии фронта потребовалось найти финансовых поручителей, готовых уплатить денежный залог за надежность офицера. Так в декабре 1547 г. за И.И. Пронского поручителями выступали более тридцати князей и бояр включая: князя Федора Ивановича Шуйского, князя Михайло Петровича Репнина, князей Дмитрия и Константина Шастуновых, князя Ивана Ивановича Троекурова и др. [128, с. 458]. Сумма поручительства была по тем временам огромной – 10 000 рублей, впрочем, поручителям ее платить не пришлось, так как в 1569 г. по приказу царя князь И. И. Пронский был убит.

А.В. Чернов и А.А. Зимин оправдали политику царя на том основании, что в условиях образования единого русского государства право отъезда превращалось в прямую государственную измену, поскольку отъезды могли быть теперь осуществлены только в пределы Великого Княжества Литовского [53, с. 345].

В противовес, князь Андрей Михайлович Курбский считал, что право отъездов не являлось государственной изменой. В начале Ливонской войны князь Курбский одержал победы в восьми стычках с «рыцарями» [71, с. XII]. В

1562 г. русской армии было нанесено крупное поражение под Невелем. Вину за поражение Иван IV возложил на Курбского. В 1563 г., опасаясь расправы, Курбский покинул отечество и стал служить главному врагу Ивана VI, королю Польскому. Для Курбского отмена отъездов была не средством борьбы против государственной измены, а способом установления тирании и борьбы с инакомыслием: «затворил ты царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне, и если кто из твоей земли поехал, следуя пророку..., ты такого называешь изменником, а если схватят его на границе, то казнишь страшной смертью» [105, с. 172].

Н. Павлов-Сильванский придерживался такого же мнения. Историк полагал, что царь добивался исключительно внутривосточной цели: если прежде «князья самостоятельно владели своими вотчинами, делили их между своими детьми и передавали им свои владетельские права» [102, с. 45], то теперь «князья не только не могут перейти к другому государю на службу», но, главное, они более «не имеют права передать кому-либо своих уделов» [102, с. 48]. Н. Павлов-Сильванский называл запрет отъездов «закрепощением князей» и «потерей личной свободы князей».

В начале 1560-х годов лояльность знати царю уменьшается. Некоторые знатные лица, например А. Курбский, становятся перебежчиками. Появились случаи сговора знатных лиц с противником. Например, после взятия Полоцка в 1563 г. князь Василий Фуников и Иван Шишкин, наместники Стародуба, захотели «город здати» и вступили в сговор с литовскими силами Ю. Зиновьевича, который выдвинулся в сторону Стародуба «по (их) ссылке» [64, с. 80].

В январе 1565 г. царь начал опричнину с выдвижения обвинений против «изменников». Свой перечень преступлений изменников он изложил в грамоте к духовенству. Четыре главных обвинений царя так или иначе касались армии и знати. Во-первых, бояре и воеводы не поддерживали войн царя: «держаче за собою поместья и вотчины великие и жалования государские кормленные смлючи... и собрав великие богатства...о государстве радеть не хотят...и...от недругов не хотят обороняться» [120, с. 248]. Во-вторых, знать стала активно уклоняться от военной службы: «а сами от службы стали удалять и против Латынь и Немець стояти не похотели» [120, с. 249]. В-третьих, «изменники» не желали финансировать политику царя: «казны его государские тощили, а прибитков его казне государской некоторой не прибавливали» [120, с. 248]. В-четвертых, вооруженные «изменники» собрали себе «великие богатства», «земли государские» захватили и раздали их своим сторонникам и родичам.

Выход из сложившегося положения царь видел в разделении армии на две части: опричную и земскую. Среди воевод опричнины было много представителей нетитулованной знати, старомосковского боярства. Среди воевод земщины большинство составляли представители титулованной знати,

княжата. Между титулованной и нетитулованной знатью разгорается соперничество.

Об опричном «корпусе» источники содержат противоречивую и недостаточную информацию. Оперативной базой формирующегося опричного корпуса стала Александровская слобода. Ядром опричного корпуса стала отборная конная тысяча: «учините государю у себя в опришнине князей и дворян и детей боярских дворовых, и городовых 1000 голов» [75, с. 344]. Материальным обеспечением части стали опричные земли: «и поместья им подавал в тех городах...которые города поймал в опришнину» [75, с. 344].

Формирование опричного корпуса проходило медленно. А.А. Зимин связывал это с необходимостью правильного подбора кадров: «1565 год был заполнен строительством опричного аппарата, персональным отбором "людишек", испомещением "верных слуг", переселениями лиц, внушавших опасение» [54, с. 152].

Поначалу опричный корпус был небольшим. Серьезной боевой силой он станет лишь в 1567–1568 гг. Однако, даже после разрастания, участие корпуса в операциях полевой армии носит ограниченный характер. Царь будет использовать корпус только в случае крайней нужды. Например, нашествия хана Гирея.

Условно можно выделить два типа земского корпуса: земский корпус с нетитулованными воеводами и земский корпус с титулованной знатью.

До раскола армии количество важных воевод из числа нетитулованной знати минимально. В 50–60-х годах их всего двое: Иван Хирон Петрович Захарьин-Яковлев (Яковля) и Иван Большой Васильевич Шереметев. Среди воевод их полков мало представителей титулованной знати. В походе против крымцев 1555 г. среди шести воевод, подчиненных И. Шереметеву, только один князь [88, с. 172]. Разряд 7068 описывает распорядок армии на поход 1559 г. под Юрьев-Ливонский. И.П. Яковля командует передовым полком, примечательно, что его полк единственный, в котором отсутствуют князья. Вместо князей под его началом «тотары голова Алексей Григорьев, сын Давыдов» [88, с. 215]. В росписи по полкам разряда 7070–7071 для похода из Смоленска в литовскую землю И.В. Шереметев получил под командование Большой полк, Передовой полк и Сторожевой полк. Однако, вместо русских князей под его командованием были татарские царевичи: Ибак, Тахтамыш, Бекбулат [88, с. 215].

Для земских корпусов во главе которых стоят князья, характерно княжеское командование полками. Например, войско, собранное в 1562 г. для осады Полоцка. Когда В.А. Старицкий получил старшинство среди воевод, под его командованием собралось много князей. В большом полку: князь И.Д. Бельский, князь П.И. Шуйский, князь В.С. Серебряный-Оболенский. В Правой руке: царь казанский С. Касаевич, князь И.Ф. Мстиславский, князь А.И. Ногтев Суздальский, князь П.С. Серебряный-Оболенский. В Передовом полку: царевич

Бекбулат, князь В.М. Глинский, боярин И. Шереметев Большой, боярин А.Д. Басманов. В Сторожевом полку: царевич Ибак, князь П.М. Щенятев, князь А.М. Курбский, боярин И.М. Воронцов. Влевой руке: царевич Кайбула, князь И.И. Пронский Турунтай, князь Д.И. Немой, боярин И.В. Шереметев Меньшой. Итого: девять князей, четыре представителя татарской знати и четыре боярина [113, с. 13–14].

После раскола армии титулованная знать избегает службы под началом старомосковского боярства. Это заметно по офицерам смешанных земско-опричных корпусов. В 1569 г. под Изборском было собрано три полка, командование получил Михаил Яковлевич Морозов. Под его началом: князь П. Борятинский в Большом полку, И. В. Меньшой Шереметев и князь М. Гундоров в Передовом полку, В. Борисов в сторожевом полку, князь Ю. И. Токмаков в артиллерии [113, с. 58]. Итого из шести офицеров – трое князья. Однако, из опричнины в Изборск отправляются еще четыре воеводы, ни один из которых не является князем. Это меняет офицерский состав: семь нетитулованных воевод против трех князей. Примечательно, что призыв нетитулованной знати не привел к исчезновению местнических споров. В корпусе М.Я. Морозова конфликт разгорелся не между князьями и московским боярством, а между двумя опричными офицерами, Микитой Очиным и Василием Умновым [113, с. 58].

Разделение армии на опричный и земский корпус оказалось непродолжительным. Оборона Москвы от Девлет-Гирея в 1571 г. была последней крупной военной операцией опричного корпуса.

Крымский хан появился под Тулой, сжег ее посады, разгромил под Серпуховом опричный отряд Я. Ф. Волынского и переправился через Оку. Прослышав о быстром движении Девлет-Гирея, Иван IV 16 мая направился с войском из Слободы «на берег» к Серпухову [96, с. 430]. Однако многие опричники в критический момент не вышли на государеву службу и царь «тогда воротился из Серпухова, потому что с людьми собратца не поспел» [54, с. 453]. Узнав о бегстве царя, крымский хан 23 мая подошел к столице. Против крымцев опричники и армия земщины действовали в условиях отдельного командования. Большая часть опричного корпуса покинула поле боя вместе с царем. Результатом стал общий разгром вооруженных сил Московского государства и сожжение татарами Москвы. Сразу же после того как в Москве начался пожар, Девлет-Гирей покинул ее окрестности [106, с. 191–192].

После сожжения Москвы царь меняет свое отношение к опричному корпусу. Полки корпуса не восстанавливаются и не пополняются, а офицеры корпуса попадают в немилость. Палачами над опричниками стали стрельцы [144, с. 97].

Попытка нетитулованной знати добиться с помощью опричнины высоких воеводских назначений не имела большого успеха [27, с. 284]. Однако, благодаря опричнине соперничество между титулованной и нетитулованной знатью

закончилось компромиссом, в рамках которого титулованная знать сохранила преобладающее положение, а нетитулованной знати открылся более широкий доступ к наиболее важным постам в армии [28, с. 21]. После расформирования опричной системы, опричные полководцы вливаются в единую русскую армию.

У опричнины было два главных последствия.

Во-первых, было завершено внутреннее объединение страны. Сохранявшиеся остатки удельной независимости были упразднены; князья больше не владели укрепленными городками, не выходили на войну с особыми полками своих слуг, детей боярских-помещиков, сотен стрельцов [102, с. 50].

Во-вторых, ко времени отмены опричнины в 1572 г. Россия оказалась разоренной. Резко усилилось обезземеливание дворян – «многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях» [59, с. 183]. Кризис дворянского землевладения повлек за собой упадок поместного ополчения. Владельцы мелких поместий, не имея возможности нести государеву службу, шли «бродить меж двор» и записывались в холопы [59, с. 183]. Реформы армии приостановились.

ГЛАВА 4. ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТОЛЕТИЯ

4.1 Пехотные полки иноземного строя, выборные солдаты, драгуны 1630–1650-х гг.: поверстание в дети боярские

В годы правления Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) русская дипломатия стала принимать более активное участие в международной политике. В борьбе с Речью Посполитой союзником России выступала Швеция. С середины 20-х гг. намечалось русско-шведское сближение [146, с. 46].

В 1630 г. Москву посещает шведская военная комиссия во главе с А. Лесли [59, с. 217]. Ознакомившись с состоянием русской армии, А. Лесли внес предложение о ее реорганизации и найме полков иностранных наёмников [107, с. 242]. Он смог уговорить польских и шведских офицеров стать военными советниками при дворе русского царя [153, с. 144].

Получив согласие царя, А. Лесли и его заместитель, Генрих вон Дам, собрали для смоленской войны 1632–1634 гг. четыре полка наемных ландскнехтов общей численности в 4000 человек [150, с. 71]. Они были набраны с немецких земель, оккупированных Швецией.

Реорганизация русской армии подразумевала создание новых пехотных полков, устроенных по западному образцу - «иноземному строю». Шведский посол Мониер предложил свою помощь в наборе иностранных офицеров и поставке первых иностранных образцов вооружения и амуниции. Предложение было принято [107, с. 242]. Управление полками сосредоточилось в Иноземном приказе, который возглавлял тот же боярин что отвечал за Стрелецкий приказ [68, с. 120–121].

Первые два полка иноземного строя планировалось набрать из числа детей боярских, которые обеднели в результате Ливонской войны и Смутного времени. Для этого в апреле 1630 г. царь разослал по городам грамоты о наборе: «городовых детей боярских беспоместных...которые в нашу службу пригодятся...которые по бедности живут на посаде или в монастырях или где кормятся» [8, с. 300]. Идея привлечения детей боярских к пешей службе опиралась на исторические традиции. С. Гребенштейн сообщает, что поединки детей боярских проводились по большей части в пешем бою [31, с. 185]. В летописном описании взятия Казани в 1552 г. главная роль в рукопашных схватках отводится спешенным детям боярским. Во время осады позади стрельцов и казаков изготовился к бою отряд отборных, спешенных детей боярских, «искусных ратному обычаю» [76, с. 501].

Подготовка к Смоленской войне 1632–1634 гг. потребовала ускорить процесс набора новых пеших полков иноземного строя. Для этого правительство решило снизить требования к социальному статусу новобранцев, разрешив

записываться в полки нового строя татарам, казакам их родственникам и домочадцам.. В результате в полки были набраны: дети боярские, новокрещены, татары и казаки [132, с. 55].

Количестве подготовленных для участия в Смоленской войне полков иноземного строя установить затруднительно. В.А. Волков считает, что правительство сформировало четыре полка, из которых только два успели подготовить для участия в компании [25, с. 394]. Точка зрения В.А. Волкова наиболее соответствует документам. В Смете 1632 г. значится два полка общей численностью в 3323 человека [132, с. 54]. Разрядная выпись о выдаче жалования в 1633 г. сообщает о четырех полках общей численностью в 6610 человек [8, с. 526]. В выписи солдаты первых двух полков получают полное жалование – косвенное подтверждение их участия в боевых действиях, а солдаты двух полков позднего набора 1633 г. получают лишь частичное жалование – косвенное подтверждение их неучастия в боевых действиях.

А.В. Малов полагает, что правительство не успело подготовить ни одного полка: иностранные офицеры считали подготовку русских солдат неудовлетворительной, поэтому личный состав двух первых русских полков был объединен с личным составом четырех полков немецких наемников [81, с. 38]. В выписи 1633 г. указывается, что только четыре полковника приняли участие в смоленской компании: Лесли, Вандам, Росформ и Унзин [8, с. 526]. Отсутствие у первых двух русских полков своих собственных полковников косвенно свидетельствует в пользу того, что они не выполняли самостоятельных тактических задач и являлись резервными батальонами для четырех полков иностранных наемников. При этом, в Москве в 1633 г. было сформировано еще два русских полка, «Велимова и Матейсова» [8, с. 526], которые не успели принять участие в походе на Смоленск.

По окончанию Смоленской войны в 1634 г., большая часть личного состава пеших полков иноземного строя была поверстана в дети боярские: «по г. указу велено детей боярских пеших кормовых, солдат, разных городов и всяких чинов людей новиков, которые были под Смоленском с приходу до отходу, верстать против статейного списка служилых новиков» [134, с. 140]. Верстание проводилось только в отношении вольных: «солдатам детям боярским, и казакам, и казачьим детям, и братьям, и племенникам и вольным людям разных городов с их поместными и денежными окладами» [134, с. 141]. Верстание пеших полков иноземного строя продолжалось до начала 1650-х гг. Так, Смета 1651 г., описывая рейтарские и драгунские полки, указывает, что они состояли из солдат: «которые были в пеших полках, а ныне служат конную службу, а испомещены в разных городеях» [40, с. 19].

В 1640-х гг. наборы в пехотные полки иноземного строя сокращаются. Постепенно пешие полки иноземного строя заменяются выборными полками.

Происхождение выборных полков не известно. Выделяется две главных концепции. Согласно первой, П.О. Бобровский, выборные полки были созданы Михаилом Федоровичем в 1642 г. Согласно второй, А.В. Чернов, выборные полки были созданы Алексеем Михайловичем в 1656г.

П.О. Бобровский пытался проследить полковую историю Эриванского лейб-гренадерского полка до XVII в. Ему удалось установить связь Эриванского лейб-гренадерского полка с двумя знаменитыми выборными полками: 1-ым Московским, он же Лефортовский, и Бутырским.

П.О. Бобровский изучил множество источников: записи семейных архивов дворянских офицеров [17, с. 4], свидетельства о наборе свободных людей в неизвестные солдатские полки [150, с. 94], труд Брикса на немецком языке – «История старых Русских военных учреждений от древнейших времен до сделанных Петром Великим изменений» [147, с. 5], собрания исторических актов и др. На их основании П.О. Бобровский пришел к заключению, что создание выборных полков стало результатом развития полков иноземного строя в начале 1640-х гг. В те годы было произведено несколько наборов в солдатские полки. Например, набор 1642 г. в соответствии с которым следовало брать на солдатскую службу: «ратных людей, стрельцов и солдат, сколько государь укажет, из вольных и охочих людей, но не из крестьян и не из холопей» [129, с. 399], «изо всяких ратных пеших вольных людей, oprичь крепощныхъ и кабальных людей» [129, с. 389]. П.О. Бобровский установил, что данные солдатские полки «во всем своем устройстве соответствовали полкам иноземного строя» [17, с. 5].

П.О. Бобровский отметил, что в 1650-х гг. проводилось два совершенно разных набора в солдатские полки. Один, 1654 – 1667 гг., был среди даточных, тяглых людей. Однако, одновременно с ним, в 1653 – 1654 гг., шел другой набор среди свободных людей: детей боярских, их братьев, их детей, и племянников, которые не в службе и не верстаны, стрельцов, казаков, посадских всяких людей, их детей, братьев, племянников, зятьёв, приёмышей, половинщиков, захребетников и всяких людей дворников, которые не крепостные холопы и не пашенные крестьяне [4, с. 189–190]. По мнению П.О. Бобровского, в те годы и возникла потребность отличить полки свободных солдат от полков даточных. Для этого было использовано слово «выборный», которое произошло от польского слова «wyborny» и означало отличный от других [17, с. 5].

Свою особую систему набора выборные полки сохраняют до конца XVII в. Например, Патрик Гордон в 1696 г., сообщает, что принятие в выборные полки влечет освобождение: «новобранных солдат, которые сбежали от своих господ, так как им обещана была свобода» [17, с. 25].

Бобровский заметил, что с 1657 г. выборные полки начинают проживать в слободах, подобно стрельцам. Отсюда и происходит название некоторых из них, например, Бутырский – от «Бутырки», что обозначало «особняк жилище», так

называли, расположенную на севере Москвы слободу. В отличие от тяглых солдат, солдатам выборных полков разрешалось жениться, воспитывать детей и совместно проживать с семьями на слободе [17, с. 5]. Как и стрельцы, солдаты выборных полков могли передавать свою службу по наследству своим сыновьям [17, с. 197].

П.О. Бобровский считал, что сходство выборных полков с полками иноземного строя и со стрельцами свидетельствует в пользу особого элитного статуса выборных полков и делает их предшественниками русской императорской гвардии. Взгляды П.О. Бобровского разделяли многие историки: А.З. Мышлаевский [92, с. 27], М.Д. Рабинович [109, с. 23–24] и др.

Иного мнения о происхождении и роли выборных полков придерживался А.В. Чернов. Изучению выборных полков историк уделил часть своей докторской диссертации 1949 г. А.В. Чернов не согласился с тем, что наборы вольных людей в неизвестные солдатские полки 1642 г., 1648 г., 1654 г. положили начало выборным полкам. Он полагал, что достоверно существование выборных полков можно отследить только с 1656 г., накануне их расквартирования в московских слободах [81, с. 19].

Вопрос об элитном статусе выборных полков привел А.В. Чернова к концептуальному противоречию. Концепция А.В. Чернова, изложенная в его монографии, предполагала неэффективность службы вольных людей: «Содержание ратных людей стоило дорого, а по своей подготовки они стояли ниже стрельцов...случайные люди...могли и вовсе не явиться на службу. Военная дисциплина этих гулящих людей, оторвавшихся от своей социальной среды, была чрезвычайно низкой» [140, с. 138]. Подобная концепция позволяла легко объяснить переход к принудительным наборам тяглых людей естественной необходимостью, следствием неэффективности и отсталости службы по прибору. Кроме того, наличие большого сходства между стрельцами и выборными полками означало, что признание эффективности выборных полков грозило повлечь переоценку стрельцов, о чем А.В. Чернов предупредил его давний оппонент, С. Л. Марголин [85, с. 154]. Чтобы предотвратить концептуальные противоречия, А.В. Чернов решил не упоминать в своей монографии о существовании выборных полков [140, с. 143–145]. Позднее примеру А.В. Чернова последовал В.А. Волков [25, с. 394–397].

Однако, в отдельной статье, вышедшей через год после монографии, А.В. Чернов признает высокую эффективность выборных полков: «Из общего числа солдатских полков было выделено два выборных полка...это были лучшие из солдатских полков» [141, с. 447]. При этом, для стрельцов сохраняется высказанное ранее в монографии утверждение «о потере боевой силы» [141, с. 448]. Это значит, что, вопреки предостережению С.Л. Марголина, А.В. Чернов проводит четкое разделение между выборными полками и стрельцами. Это противоречит тому, что перевод стрельцов в выборные полки был одним из

основных способов набора выборных полков [81, с. 38]. Вторым главным способом был набор детей казачьих – тоже представителей службы по прибору [81, с. 200]. Кроме того, А.В. Чернов не упомянул о поверстании солдат выборных полков в дети боярские.

Установить, когда началось поверстание солдат выборных полков затруднительно. Известно, что в 1656 г., когда происходила реорганизация выборного полка А.А. Шепелева, уже было поверстано некоторое количество выборных солдат [81, с. 209]. Толчком к дальнейшему распространению практики верстания выборных солдат стала Русско-польская война 1654 – 1667 гг. В 1660 г. солдаты выборного полка Шепелева подают челобитные о поверстании их поместьями и денежными окладами, указывая службы и полученные ранения [74, с. 498]. Имена верстанных солдат полка Шпелева можно найти в опубликованных А. Барсуковым атемарских десятнях 1669 – 1670 гг., 1679–1680 гг. и керенской десятне 1692 г. [39, с. 224–225, 246–248, 446]. В 1669–1670 гг. верстание происходило большими группами, что свидетельствует о массовом характере поверстания [39, с. 224–225, 246–248].

Одновременно с выборными полками в дети боярские верстались драгуны. Впервые драгуны появились во время Смоленской войны 1632 – 1634 гг, [140, с. 136]. Однако, достоверно установить социальный состав этих первых драгун, способ их комплектации и связь с более поздними драгунами затруднительно.

По окончании Смоленской войны реорганизация драгун стала частью большого плана по укреплению южного приграничья.

В 1639 г. набор в драгуны велся среди вольных людей. Так, в соответствии с царской грамотой Углицкому воеводе Собакину о наборе людей в драгуны от 1639 г. требовалось набирать драгун из: детей боярских, иноземцев, новокрещенов, татар, которые не верстаны и не в службе, и за которыми прожиточных поместий и вотчин нет; так же стрелецких и казачьих и всяких чинов людей, их детей, братьев, племянников, которые не в службе и не в тягле, и не на пашне, и в холопах ни у кого не служат, всяких охочих вольных людей [13, с. 430]. Драгунам выдавали не только казенное оружие, но и казенных лошадей: «из нашей казны, да драгунам же лошади и седла и узды дадут из нашей казны» [13, с. 430].

Однако, наборы среди вольных людей вызвали трудности. Примером таких трудностей является набор в окрестностях Воронежа в 1646 г. Об этом наборе рассказывается в отписке стольника и воеводы Андрея Васильевича Бутурлина. В 1646 г. правительство пыталось набирать только вольных добровольцев: «не в службе, и не в тягле, и не пашенных крестьян» [44, с. 815]. Однако, следствием такой инициативы стало массовое бегство крепостных крестьян от своих хозяев с целью записаться в новые полки вольных людей: «на Воронеж, государь, приходят изо многих городов стрельцы Московские и холопы боярские и пишутся в вольные люди. Воронежские, государь, стрельцы

и казаки, покинули службы, и пашенные тяглые крестьяне многие писались в вольные же люди» [44, с. 815]. Ситуацию осложняло заступничество донских казаков, которые отказывались вернуть беглых крестьян их хозяевам: «А Донской атаман Павел Федоров и Донские казаки... беглых никому не выдают» [44, с. 815].

Столкнувшись с такими трудностями, правительство решило, что в следующем 1647 г. сокольские драгуны будут набираться из тяглых крестьян. Из этого следует, что переход на набор тяглых людей в драгуны был вынужденным средством избегания социальных волнений и жалоб дворян на бегство крепостных и не содержал в себе какого-либо запрета набирать вольных людей в драгунские полки. Вольные люди могли проникать в драгунские полки на протяжении всего периода их существования.

В 1653 г., почти одновременно с набором тяглых людей в драгуны, начался набор тяглых людей в пешие солдатские полки. На этом основании ряд исследователей предположили, что драгунская служба тяглых людей и пешая служба тяглых людей имели одинаковую природу: А.В. Чернов [140, с. 138–139], П.П. Епифанов [47, с. 246–247], А.В. Кутищев [72, с. 70–71].

Однако, служба тяглых людей в драгунских полках сильно отличалась от службы в пеших солдатских полках: набор в драгуны вел к изменению социального статуса и сближению драгун со стрельцами и казаками.

Это подтверждает Наказная память Ивану Васильевичу Колычеву о распоряжениях по отписке на Государя слобод, находящихся в посадах и близ оных от 1649 г.: «А которые стрельцы и казаки и драгуны всякими торговыми промыслами промышляют и в лавках сидят и тем стрельцам, и казакам и драгунам... с посадскими людьми тягла им не платить и служб не служить» [14, с. 53]. Таким образом, драгуны обладали равными со стрельцами и казаками правами на торговлю и промыслы и пользовались всеми налоговыми льготами стрельцов и казаков. Сходство драгун со стрельцами и казаками настолько велико, что И.Д. Беляев сделал следующий вывод: «драгуны более всех людей иноземного строя были близки к русским служилым людям» [15, с. 35].

Драгуны от казаков и стрельцов отличались только особенностями обучения и ухода за лошадьми. Драгунам было предписано уделять больше времени обучению военному ремеслу, для чего к ним приписывали инструкторы [50, с. 133]. Три царских грамоты о лошадях, посылаемых на корм в монастырские вотчины от 1646 г., 1648 г. и 1650 г. свидетельствуют об участии правительства в заботе о драгунских лошадях во время зимних месяцев: «драгунские лошади, которые были на корму Спаского Ефумьева монастыря в вотчинах» [14, с. 29].

Сходство драгун с пашенными стрельцами и казакам поднимает вопрос о военной целесообразности их создания. На приграничных южных территориях было много казаков и стрельцов, которые могли выполнять все приграничные

службы драгун. Д.Ф. Масловский выдвинул интересную гипотезу относительно данного вопроса. Д.Ф. Масловский полагал, что драгуны были созданы с целью заменить городских казаков [86, с. 20].

Продолжая мысль Д.Ф. Масловского, можно предположить, что присоединение южных и юго-западных земель в середине XVII в. повлекло за собой потребность в создании новых приграничных войск. В результате этого были созданы драгуны, которые внешне походили на казаков: у них такой же наряд, вооружение и тактика боя. Однако, у драгун нет важного атрибута казачества - казацких политических и культурных традиций. Отсутствие этих казацких традиций, делало драгун лояльными правительству. Поэтому драгуны стали более предпочтительными для правительства, чем городские казаки.

С 1650-х гг. драгуны начинают верстаться в городские дети боярские. Верстание драгун в дети боярские продолжалось до 1670-х гг. Процесс трансформации тяглых драгун в детей боярских можно проследить на примере сокольских драгун. Указом от 14 января 1647 г. князю А. Н. Трубецкому была пожалована Верхолуцкая волость в Белёвском уезде, но взамен царь, Алексей Михайлович, взял на себя вотчину А. Н. Трубецкого в Лебедянском уезде у р. Воронежа, включавшую села Соколье, Ярлуково, Кузьминки с окрестными деревнями. [50, с. 132]. Крестьянам этих сел и деревень предписывалось «быть в драгунской службе», «а пашнями и всякими угодьям велено им владеть по-прежнему» [74, с. 505]. После нескольких лет службы они жалуются в дети боярские, им учинен оклад, но земли против окладов не пожалованы. Еще спустя несколько лет ратной службы им отводится земля, которую отмежевали от драгунской, и выдается грамота на владение этой землей в поместье. Таким образом, бывшие вотчинные крестьяне превращаются в сокольских драгун, затем в детей боярских городской драгунской службы. Жаловались бывшие крестьяне в дети боярские не собственно из крестьян, но из драгун, служилых людей.

Таким образом, между пехотными полками иноземного строя, выборных полками и драгунскими полками имеется много общего. По своему социальному положению личный состав этих полков был близок к служилым людям по прибору – стрельцам и казакам. Главной наградой за службу в этих полках было поверстание в дети боярские. Эти полки являлись элитой русской армии в войнах третьей четверти XVII в. Из этого можно сделать вывод, что вольные служилые люди имели большую боевую ценность, чем принудительно набранные тяглые люди.

В поверстании личного состава этих полков наблюдается определенная особенность. Первыми были поверстаны солдаты пехотных полков иноземного строя по окончании Смоленской войны 1632-1634 гг. Сразу после поверстания правительство объявило, что подобное верстание впредь «не образец», поскольку солдаты верстались именно за конкретную смоленскую службу [134,

с. 141]. Несмотря на это в начале 1650-х гг. правительство возвращается к поверстанию: происходит массовое верстание личного состава выборных полков, а чуть позже драгунских полков.

Можно предположить, что причиной возвращения к поверстанию было желание создать офицерский корпус. Это заметно на примере офицеров выборных полков. В 1657 г. выборный полк имеет 1 полуполковника, 1 майора, 19 капитанов, 12 поручиков и 8 прапорщиков [17, с. 6–12], офицеры русские. В середине 1660-х гг. все офицеры, верстаны, но земли не имеют, за исключением 1 полуполковника [81, с. 133–134]. В 1670г. происходит сильное увеличение среднего командного состава в полку: количество поручиков увеличивается до 44, прапорщиков до 48 [81, с. 149]. Все они верстаны, но земли не имеют. Правительство выделяет землю только чинам выше капитана [81, с. 155–156]. Одновременно увеличивается количество урядников, сержантов и прапорщиков, до 100 человек в каждом полку. Многие из них верстаны, но земли не имеют. Пример выборных полков показывает, что поверстание служилых людей в 1660–1670-х г. редко вело к испомещению. Поверстание связывало служилого человека не с землей, а с офицерской службой в полках государя.

Увеличение числа поверстанных позволяло создавать новых офицеров. Наличие офицеров сделало возможным создание полков тяглых людей. Однако, оно же стало причиной падение боеспособности полков вольных людей в конце 1670-х гг.: чем больше ветеранов вольных полков поверстано, тем больше офицеров, а чем больше офицеров, тем больше можно набирать тяглых в армию, а чем больше в армии тяглых, тем меньше нужды в полках вольных.

4.2 Социальная дифференциация стрельцов

Существовало четыре вида стрельцов: конные, московские, городовые и сводные (объединение малых отрядов). Кроме этого, среди стрельцов можно выделить социальные группы, которые не имели военно-организационных форм: посадские стрельцы и пашенные стрельцы.

Посадские стрельцы были самой многочисленной социальной группой. С.Г. Томсинский называл эту группу «центральными стрельцами» [136, с. 206], поскольку местом их дислокации были центральные районы страны.

Одним из главных условий стрелецкой службы было проживание в изолированной от остального посада слободе. «Под слободой издавна разумелся поселок или группа поселков на владельческой территории, на которую население привлекалось обещанием «свободы» от холопства, от частной зависимости, даже иногда от старых долговых обязательств, а также иными льготами, которые владелец территории мог и хотел предоставить» [127, с. 31]. Стрельцов селили слободой на посаде по следующим причинам: во-первых, чтобы держать их компактной группой, удобной для мобилизации и управления;

во-вторых, чтобы обеспечить их работой на посаде или сельским хозяйством на околородных землях; в-третьих, чтобы обособить их от тяглого населения посада и уезда, превращая их в лояльную правительству силу, способную поддержать власть в случае социальных волнений.

Было предписано производить стрельцам ежедневные утренние и вечерние смотры, проверяя их наличие в слободе, и строго наказывать отсутствующих. Предусматривался контроль за проникновением чужих в слободу: стрельцам запрещалось безьявочно пускать к себе на житье или ночевку прохожих и проезжих людей. Самих стрельцов запрещалось выпускать за пределы города [82, с. 79].

Теоретически, стрельцы должны были жить за счет казенного денежного жалования. Размеры жалования колеблются: городовые стрельцы – 3 руб., 6 четвертей ржи, 6 четвертей овса; московские стрельцы – 5 руб. и 7,75 четверти ржи и по столько же овса [82, с. 65–67]. Размер этого жалования примерно соответствовал заработку посадского населения, среди которого жили стрельцы. Пользуясь подсчетами М.В. Довнар-Запольского [42, с. 64–65], мы можем принять дневной заработок москвича-ремесленника равным 6–10 деньгам, что при 250 рабочих днях в году, дает от 7,5 до 12,5 руб. в год. Получается цифра, весьма близкая к сумме денежного и натурального жалования в московских стрелецких полках.

Стрелецкая служба не подразумевала карьерного роста. Стрельцы были организованы в следующие подразделения: приказы, сотни, десятки. Их возглавляли соответственно – стрелецкие головы, сотники, пятидесятники и десятники. Чин стрелецкого сотника предназначался только для дворян и детей боярских, а потому был недоступен для рядового стрельца. К середине XVII в. у стрельцов не осталось причин стремиться к получению чина десятника и пятидесятника: при новых приборах десятники и пятидесятники назначались прямо из числа тех же новобранцев [82, с. 91]. Выслуга лет не засчитывалась при стрелецкой службе, что подтверждалось исчезновением различий в окладах пятидесятников, десятников и рядовых [82, с. 92]. Это означало, что торгово-ремесленная деятельность стрельца на посаде становилась единственным способом повышения уровня жизни.

Торгово-ремесленная деятельность стрельцов явление хорошо известное как во второй половине XVI в., так и в XVII в. В соответствии с Рязанской платежной книгой 1595–1597 гг., стрельцам принадлежит более 25 процентов торговых мест на посаде [123, с. 1–6]. По подсчетам М.В. Довнар-Запольского, стрельцы контролировали 16,07% торговли Москвы [42, с. 31]. В росписи московских кузнец 1641 г., девять кузнец принадлежат стрельцам, а еще в двенадцати стрельцы являются работниками по найму [86, с. 76]. Также имели место быть большие стрелецкие артели извозчиков, каменщиков и плотников.

Однако, приработок на посаде был не только правом стрельцов, но и необходимостью: на стрельцов возлагалась обязанность обеспечить себя всем необходимым.

Самоснабжение стрельцов оставалось общим правилом до конца XVII в., о чем свидетельствует гл. VII Соборного Уложения 1649 г., которая жестко пресекала любые попытки ратных людей вымогать и захватывать чужое имущество на территории государства. Согласно ст. 21 и ст. 22 от ратных людей требовалось покупать себе все необходимое [130, с. 55]. При этом цена могла быть значительно ниже рыночной: в соответствии со ст. 7 цену устанавливал сам царь [130, с. 52].

Исключения бывали редко. Во время русско-польской войны 1654–1667 гг., когда русские войска действовали на территории Беларуси и Литвы, стрельцам, находившимся в этих местах, иногда посылалось продовольствие из «государевых хлебных запасов», с выдачей его в зачет хлебного жалования, а частично безденежно и без зачёта. О том, насколько редка была данная практика, свидетельствует реакция государя на сообщение брянского воеводы Долгорукого Г. о необходимости использовать государевы запасы: «Государь, услышав, указал: жить с береженьем», а в ответной грамоте царь написал – «как к тебе ся наша грамота придет, и ты бы во Брянску жил с великим береженьем» [9, с. 358].

Однако, за право заниматься приработками стрельцы расплачивались несением множества невоенных обязанностей: посыльная служба, караульная служба при тюрьмах, охрана хлебных запасов, обеспечение общественного порядка, охрана кабаков, заготовка сухарей из казённой ржи, поставка в казну отсыпного сена, распашка десятиной пашни [82, с. 85], тес досок и колка леса [37, с. 1060].

Приработки и невоенные обязанности на посаде создали благоприятные условия для произвола офицеров. Яркий пример – борьба с наймитами. Официально государство боролось с практикой выставления наймитов среди стрельцов. Но несмотря на это, она была широко распространена благодаря соучастию офицеров. Зная заинтересованность стрельцов в торговле на посаде, офицеры предлагали, в обмен за солидную взятку, освободить обеспеченных стрельцов от службы, выставив вместо них наймитов. Примером данной практики служит запись Тайного приказа по сыскному делу Иванова Мещеренинова: «он Иван с них стрельцов имал приметками своими многие взятки, а иных стрельцов для взяток отпускал по домам в прежние их места, откуда кто в стрелецкую службу взят, и из домов своих те стрельцы к Москве не бывали, а присылали в свое место наемщиков, и тех наемщиков он Иван приверстывал для своих взяток в стрельцы» [37, с. 99–100].

Со второй половины XVII в. совершение офицерами преступлений становится главной причиной стрелецкого протеста и недовольства [110, с. 277,

с. 284]. Запись под номером 225, Столб 317, датируемая 19 ноября 1660 г., сообщает о типичных злоупотреблениях стрелецких голов и сотников, которые оставили стрельцов «в холодных избах», «грабили деньги» простых стрельцов, морили их голодом, в результате чего «многие померли», а «остальные больные» [10, с. 213].

Для вымогательства у стрельцов денег применялись насилие и жестокие телесные наказания. Взятки стали постоянной статьей офицерского дохода [33, с. 314]. В офицерских кругах развилась целая культура, в соответствии с которой каждый офицер имел право требовать денег с подрабатывающих на посаде стрельцов: «Воевода де сидит в городе, хочет с города сыт быть, а я де, полку полковник, завсегда хочу с полку сыт быть и покуда живу в полку, буду сыт и стану брать» [34, с. 53].

Чтобы избежать насилия со стороны офицеров посадские стрельцы должны были больше зарабатывать на посаде. Однако, это вело к сильному социальному расслоению стрельцов. Богатые стрельцы, имея наличные деньги, откупались от незаконных и законных требований офицеров взятками и подарками, в результате чего офицеры назначали вместо них их неимущих однополчан «не в очередь», еще более увеличивая эксплуатацию бедных стрельцов [35, с. 59]. Будучи постоянно занятыми исполнением законных и незаконных приказов, бедные стрельцы не имели времени для приработков на посаде. Они доводились до крайней нужды и становились даже беднее, чем тяглые люди посада.

Напротив, богатые стрельцы постепенно сближались с городскими детьми боярскими. Для получения чина сына боярского посадские стрельцы могли использовать четыре главных способа:

1. Купить чин «сына боярского», что подтверждается документами Разряда от 1628г. [74, с. 496]
2. Жениться на дочери сына боярского [74, с. 492].
3. Обзавестись лошадью или конем и перевестись в конные стрельцы. «Верстание» и «конная служба» были двумя важнейшими атрибутами принадлежности к дворянству. Со второй половины XVII в. уже достаточно только «конной службы» и «солдатской службы» [74, с. 488].
4. Войти в состав ремесленников, оружейных и пороховых дел мастеров, которым с 1630-х гг. правительство стало даровать чин сына боярского, в качестве поощрения производительности труда [74, с. 497].

Второй по численности социальной группой были пашенные стрельцы. Томсинский именовал эту группу – «стрельцы юга» [136, с. 206], потому что они преимущественно проживали в приграничных южных областях.

Пашенные стрельцы отличались от посадских стрельцов отсутствием какого-либо денежного жалования – они служили только с земли. Акты приказа

Новгородской Чети от 1647 г. сообщают, что главной причиной распространения пашенных стрельцов было желание царя сократить расходы: «дают (стрельцам и казакам) денежное жалование многое, и вь томь нашей казне истеря большая ... и мы указали рядовых казаковъ и стрельцовъ, за наше денежное и хлебное жалованье, устроить землями» [5, с. 134].

Одно из самых ранних свидетельств о пашенных стрельцах относится к 1596-1598 гг., когда Переяславль-Рязанский обзавелся слободой пашенных стрельцов [82, с. 70].

Со временем количество пашенных стрельцов увеличилось. В Смете военных сил московского государства на 1632 г. о них уже упоминается особо: «В городах головы и сотники и стрельцы и казаки служат с государева денежного и хлебного жалования, а *иные з землю*» [132, с. 69].

Последствия наделения стрельцов землей были значительны:

Во-первых, среди пашенных стрельцов распространилось незаконное заместительство. При незаконном заместительстве отцовская земля переходила к сыну, служба которого рассматривалась как замена отцовской, без всякого формального разбора или верстания. Это позволяло стрелецким семьям сохранить за собой надел. Об одном из таких случаев сообщает, бежавший из турецкого плена стрелецкий сын, Родька Дементьев: «Служил я, холоп твой, за отца своего и на стороже взяли меня в полон крымские люди и продали на каторгу» [2, с. 26].

Во-вторых, как и поместья дворян, стрелецкие земли стали объектом купли-продажи и переуступок, с переходом связанной с ними службы. Такие сделки совершались без формальной санкции, но открыто на глазах начальства и воевод [82, с. 73].

В-третьих, сделки с землей привели к сильной социальной дифференциации среди пашенных стрельцов. Крупные землевладельцы стали сближаться с городским казачеством и мелкопоместными детьми боярскими. Накопив достаточно денег, они обзаводились лошадьми и переводились в конные стрельцы. Конная служба давала стрельцам право на верстание в дети боярские [74, с. 488]. После верстания бывшие стрельцы переводились на новую более престижную и перспективную службу в поместном войске.

В-четвертых, стрельцы лишившиеся земли, оставались без средств к существованию и поддержанию своей боеспособности.

В-пятых, стрелецкая служба ставилась в зависимость от сельскохозяйственного цикла и количества собранного урожая.

Таким образом, пашенным стрельцам характерна та же тенденция, что и посадским: выделение наиболее обеспеченной части в привилегированную группу, чаще конных стрельцов, и появление совершенно обедневших стрельцов. Данная социальная дифференциация имела ряд последствий.

Используя лояльность богатых стрельцов, правительство смогло увеличить налоговую нагрузку для бедных стрельцов. Вначале Соборное уложение 1649 г. обязало стрельцов платить таможенные пошлины и оброк с лавок, уравнивая их в этом отношении с посадскими людьми [130, с. 300–301]. Затем стрельцы были обязаны платить все налоги со своих лавок, промыслов, и ремесленных заведений.

Растущая дифференциация помешала переобучению стрельцов новой тактике. В середине XVII в. заметно стремление внедрить в стрелецкое войско новые приемы. Гордон в своем дневнике рассказывает, что еще в 1661 г. ему пришлось обучать «пехотной экзерциции» 600 стрельцов приказа Никифора Колобова [41, с. 13]. Однако, данные меры не могли существенно повысить боеспособность стрельцов. Больше всего стрельцы нуждались не в офицерах-инструкторах, а в защите своего социального статуса.

Как продемонстрировали события московского восстания 1662 г., стрельцы стали ненадежным элементом общества. Участие в восстании приняли лишь немногие из стрельцов. Они были приговорены к смертной казни или отрубанию частей тела [22, с. 48, 141]. Главные опасения вызывали действия формально лояльных стрельцов. Во время восстания, лояльные правительству стрельцы воспользовались беспорядками, чтобы поквитаться со своими обеспеченными сослуживцами. Так, Яковлева приказу Соловцова стрелец Наумко Олферов рассказал на допросе, что: «шел де он из лавки своей домой, а нес с собою денег своих в кошельке двадцать рублей. И его де стрельцы у Ильинских ворот схватили и те деньги, и шапку его отняли» [22, с. 199]. Кроме того, подавление восстания сопровождалось всяческими злоупотреблениями в отношении состоятельных лиц, не причастных к восстанию. Так, Давыдова полку Эрда рейтар татарин Тингилдейко Янгилдеев в расспросе сказал, что: «поймали де его стрельцы у Ветошнова ряду без поличново, и сорвали де у него в черезу восемь рублей денег да перстень серебряной...» [22, с. 191–192].

Во второй половине XVII в. правительство умело использовало социальную дифференциацию стрельцов в своих целях. Правительство извлекало выгоды как из территориальной, так и из социальной разобщенности стрельцов. Например, когда стрельцы юга, многие из которых были пашенными, приняли участие в восстании Разина, их подавляли посадские стрельцы центра [136, с. 206]. При этом, наградой за расправу над восставшими сослуживцами было верстание в дети боярские [74, с. 498–499]. Для подавления восстания астраханских стрельцов 1705–1706 гг. правительство переманило на свою сторону конных стрельцов. За свое участие в восстании конные стрельцы были «наказаны» переводом на службу в Санкт-Петербург [110, с. 292].

Характерной чертой политики социальной дифференциации стрельцов была ее конечность. По экономическим соображениям поверстание стрельцов в дети боярские не могло продолжаться бесконечно: чем больше поверстанных

служилых людей, тем тяжелее нагрузка на тяглое население страны, на чьи плечи ляжет обязанность обеспечения новоповерстанных. Поэтому в 1675 г. был принят новый закон, который потребовал, чтобы стрельцы «к дворяном и к детям боярским ни для каких своих прихотей не приверстывались, детьми боярскими не назывались и в поместную службу не верстались» [133, с. 7]. Закон ознаменовал завершение политики социальной дифференциации стрельцов. На смену ей пришла политика открытой конфронтации стрельцов с правительством.

4.3 Полки тяглых людей

Тяглые люди занимали низшую ступень социальной иерархии общества. Сделать из них основу регулярной армии было нелегкой задачей. Имелись две главные опасности. Во-первых, совместное несение воинской службы тяглых и вольных людей грозило социальными противоречиями, которые могли привести к политическому кризису. Во-вторых, у тяглых людей не было мотивации к службе. Для них не предполагалось наград и поощрений. Они были бесправны, их угнетали и эксплуатировали. Поэтому существовала вероятность, что из них могут получиться плохие солдаты, которые не окупят потраченных на них средств.

С противоречиями совместной службы вольных и тяглых людей правительство столкнулось во время принудительных наборов 1630-х гг. Вольным детям боярским, казакам и стрельцам было трудно служить совместно с бывшими крепостными. Разница в социальном происхождении разрушала сплочённость воинских частей. Это заметно по наказу Ильи Васильевичу Наумову от 1633 г., в котором царь предупреждает Наумова о возможных трениях между вольными и тяглыми: «а будут дети боярские и казаки говорить..., что с ними (служат) крепостные люди и пашенные крестьяне ... и государь велел тем людям и впредь с ними в службе быть» [8, с. 550]. Царь желает, чтобы вольные люди продолжали служить с тяглыми, и чтобы между ними соблюдалось равенство. В этом конкретном случае он даже дарует свободу крепостным: «и велел им от боярь их свободу учинить» [8, с. 550].

Другим примером совместной службы тяглых людей со свободными был набор беглых в стрельцы. Крепостные, бежавшие от своих хозяев, скрывали свое происхождение, называясь «вольными охочими людьми». Правительство, будучи заинтересованным в формировании новых стрелецких полков, верстало их в стрельцы, не проводя расследования их «легенды» и не сообщая о них их бывшим хозяевам. Данный способ был удобен тем, что по наступлении мира правительство могло санкционировать сыск беглых среди стрельцов и вернуть найденных крепостных их хозяевам. Так, сыск тяглых крестьян в 1651 г. установил, что в Великом Новгороде среди стрельцов скрывались 135 беглых

семей [5, с. 296]. Скрывающиеся среди стрельцов «беглые люди и крестьяне» обнаруживаются во время сыска в Нижнем Новгороде и в 1658 г. [6, с. 123].

Как только появлялся недобор в полках, правительство снова позволяло беглым проникать в стрельцы. Показательным примером является гарнизон Астрахани. До конца XVII в. гарнизон Астрахани был малочисленным. Например, в годы крестьянской войны С. Разина (1670–1671 гг.) гарнизон состоял из 1500 стрельцов [35, с. 47]. При этом, количество стрельцов, несших службу в Астрахани за период с 1614 по 1699 гг. составило 60 000 человек [136, с. 207]. Учитывая малочисленность гарнизона, эта сумма говорит о «текучке кадров». Исследование С.Г. Томсинского доказывает, что главным способом пополнения гарнизона астраханских стрельцов был прибор беглых [136, с. 207]. Каждый раз, когда астраханский гарнизон вымирал вследствие эпидемии чумы, или другой инфекции, его заново набирали из беглых крестьян, что и образовало большую «текучку кадров».

У пополнения стрельцов беглыми имелся очевидный недостаток. В середине XVII в. правительство не было заинтересовано в сохранении стрелецких привилегий, стрельцы становились оппозиционной правительству силой. Позволяя беглым присоединяться к стрельцам, правительство фактически увеличивало потенциальную оппозицию.

С 1649 г. в привлечении тяглых людей к воинской службе начали происходить важные изменения. Вместо вливания тяглых людей в уже существующие вольные полки, было решено создать новые полки пашенных солдат, специально предназначенные для службы тяглого населения.

Одними из первых солдат были крестьяне Сумерской и Старопольской волостей Старорусского уезда. Их призыв происходил по строгой квоте – от одного до трех человек со двора. Им предоставлялась земля, с которой они кормились, проживая совместно с семьями. Служба передавалась по наследству от отца к сыну. Солдаты были обязаны уделять часть времени учениям. Служба первых тяглых пашенных солдат подразумевала два важных условия. Во-первых, за надлежащее исполнение своих обязанностей солдатам было обещано освобождение от уплаты податей: «данных и оброчных денег, что они платили наперед сего с участков своих в государеву казну, по все годы вперед имати с них (государь) не велел» [5, с. 232]. Во-вторых, служба тяглых пашенных солдат должна была проходить по месту жительства. При соблюдении данных условий, пашенные солдаты должны были стать похожими на пашенных стрельцов.

Но эти условия не выполнялись. Вначале, как сообщает Г. Котошихин, было решено облагать пашенных тяглых солдат податями в мирные годы: «и податей с них на царя не берут ничего; а когда войны не бывает, и тогда с них берут подати что и с-ыныхъ крестьян, по указу, по чему положено» [68, с. 149]. Затем с пашенных солдат стали взимать натуральные и денежные подати и в военные годы. Одновременно, их стали посылать в дальние походы [47, с. 246].

По существу, получилось, что пашенные солдаты-крестьяне стали нести двойное тягло: они платили подати, как тяглые люди, и они же несли воинскую службу, как служилые люди по прибору.

Двойное тягло разоряло солдат. Яркий пример бедственное положение оседлых сержантов, капралов, драгун и солдат Заонежских погостов в 1658 г.: «солдаты и капралы и все рядовые солдатишка» били челом, что они «оскудали большей скудостью» [6, с. 394], «...в деревнишках наших пашнишка не паханы и домишка наши запустили.., и женишка и детишка наши помирают голодною смертию» [6, с. 394], «жалования денежного и хлебного не дают нисколько» [6, с. 394]. Пришлось отказаться от учения «солдатской службе повседневно», начали муштроваться «понеделно, переменяючись» [4, с. 129], прибавили жалованья «по алтыну на день». Но это не помогло: солдаты разорялись и дезертировали. Попытка создания пашенных солдат оказалась неудачной и к 1662 г. от пашенных солдат отказались.

Опыт, полученный за кратковременное существование пашенных солдат, был использован при создании солдатских полков даточных людей в конце 1650-х гг. В отличие от пашенных солдат служба даточных солдат не связывалась с землей. Появилась возможность проводить принудительные наборы в общегосударственном масштабе. Равномерное распределение нагрузки на всю страну позволяло избежать полного разорения одного конкретного региона. Не менее важным последствием отрыва от земли, стало формирование идеи пожизненности службы тяглого солдата [25, с. 397]. Пока солдатская служба была связана с землей, солдаты могли заводить семьи, приобретать привязанности, осваивать гражданские профессии. Отрыв солдата от земли означал, что солдат забирался из места постоянного проживания и переводился в другой регион, или даже часть страны. Он полностью терял все привязанности. Обратно в родной дом солдат уже никогда не возвращался. Контакты с гражданской жизнью сводились к минимуму.

Первый массовый принудительный набор в даточные солдаты произошел с 1659 – 1661 г. Вначале забирали одного солдата с 25 дворов, затем с 20 дворов [10, с. 432]. Наборы продолжились в 1671 и 1672 гг. [7, с. 121–122]. С конца 1670-х гг. наборы становятся регулярными.

Поскольку наборы были принудительными, а условия службы тяжелыми, даточные солдаты старались дезертировать. Но сделать это было во второй половине XVII в. трудно. Правительство строго выслеживало беглецов. В городах была организована работа специальных сыщиков, которые регулярно просматривали переписные книги и наводили справки о тяглых людях призывного возраста [7, с. 139]. Лицам, виновным в пособничестве беглым солдатам, в качестве наказания была назначена стрелецкая служба: «...и всяких чинов людей прикащиков и старост и лучших и полных людей имати в стрельцы самих» [7, с. 139]. Для землевладельцев за укрывательство беглых солдат были

установлены строгие наказания: «а за утайку беглых даточных имати в службу крестьян их за одного даточного по пяти человек, а за лживые сказки чинить жестокое наказание» [7, с. 138]. Для даточных солдат назначались поручители: лица, обязанных в случае болезни, ранения, гибели или дезертирства даточного солдата заменить его место в армии [10, с. 434]. В тех случаях, когда сыск не находил беглых даточных солдат, забирали их поручителей.

Пресечение дезертирства сделало возможным увеличение численности солдатских полков даточных людей. Исследование С.Б. Веселовским смет военных сил государства 1661–1663 гг. выявило, что в пехоте числилось 54 448 человек, из них 24 377 даточных солдат, что составляет 44,7% пехоты [47, с. 247]. К концу русско-польской войны 1654–1667 гг. в действующей армии могли одновременно находиться 52 191 даточных солдат [7, с. 122; 22, с. 397]. Таким образом, благодаря даточным солдатам численность пехоты была удвоена.

Важным преимуществом тяглых солдат была их стоимость: их набирают в принудительном порядке, поэтому им не нужны экономические поощрения для вступления в армию; они не могут жениться, поэтому им не нужно платить жалование на содержание семей; они служат пожизненно и умирают в армии, что позволяет избежать расходов на демобилизацию и вознаграждение ветеранов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военные задачи доминировали в деятельности существовавших в стране политических и социальных институтов на всем протяжении рассматриваемого периода. В своем развитии русская армия прошла долгий исторический путь, совершенствуясь вместе с государством. Происходившее во второй половине XVI – первой половине XVII столетий развитие вооруженных сил России делится на два этапа, каждый из которых имел свои особенности.

Военные реформы Ивана IV стали главным событием первого этапа (вторая половина XVI в.). В реформах тесно переплетались политические и военные цели.

Реформы изменили отношения между царем и знатью: привилегии удельных князей были ограничены, система кормлений ликвидирована, право отъездов запрещено, царский контроль над воеводами усилен, внутреннее объединение страны завершено. В результате, князья больше не могли выходить на войну с полками своих личных слуг.

Среди реформ Ивана IV важное место занимает реорганизация конницы. В начале XVI в. основой конницы были дети боярские. При Иване IV основу конницы составляют дворяне. Главной формой землевладения становятся поместья. Запрещается смена полка, пресекается уклонение от государственной службы, устанавливается контроль за назначением сотников. Добровольная служба заменяется принудительной: с конца 1570-х г. за надлежащее несение службы служилого человека несут ответственность три поручителя.

Вопрос стрелецкой реформы Ивана IV относится к числу спорных. Его решение зависит от установления отношения стрельцов к пищальникам. Социальное положение и организация службы стрельцов и казенных пищальников очень близки. Можно предположить, что под именем казенных пищальников стрельцы существовали с 1530-х гг. Из этого следует, что стрелецкая реформа 1550 г. не преследовала цели создания пехотного войска, так как оно к тому времени уже существовало. Целями стрелецкой реформы 1550 г. могли быть: введение регулярного денежного налога – «пищальных денег», позднее стрелецкой подати; переход на слободскую организацию; возвышение московских стрельцов.

Начало второго этапа (первая половина XVII в.) совпадает с эпохой Смутного времени. Внутренние усобицы и выступления социальных низов замедлили развитие армии.

С конца XVI в. наметились симптомы упадка поместной конницы. Ухудшается качество лошадей. Меняется личный состав: конные боевые слуги заменяются пешими кошевыми холопами. Происходят перемены в вооружении: помещики больше не могут позволить себе доспеха.

Начиная с 1632 г. боеспособности поместной конницы уделяется меньше внимания. Приоритет отдается развитию новых полков кавалерии: рейтар, гусар и копейщиков.

В 1630 г. в рамках подготовки к Смоленской войне были созданы пехотные полки европейского образца, иноземного строя. Изначально полки предназначались для детей боярских. Однако, когда требования к социальному статусу новобранцев были снижены, в полки стали набирать казаков и новокрещенов. В награду за службу многие из них были верстаны в дети боярские.

Лучшими полками среди пехоты 1640–1650-х г. считались полки вольных людей: выборных солдат и московских стрельцов. Они получали наибольшее жалование, лучшее вооружение, проживали в московских слободах, обзаводились семьями. За усердную службу вольных людей верстали в дети боярские. Некоторые из них получали офицерские чины.

С 1640-х гг. полки вольных людей дополняются полками тяглых людей. Вначале создаются пашенные солдаты. Правительство обещает им несение службы по месту жительства и освобождение от податей. Своих обещаний правительство не исполняет. В результате дальних походов и налогов хозяйства пашенных солдат разоряются.

В 1650-х г. начались принудительные наборы даточных солдат. Служба даточных солдат не привязывалась к земле. Это позволяло проводить наборы в общегосударственных масштабах. Распределяя тяжесть наборов равномерно по всей стране, правительство избегало разорения отдельных регионов. Для борьбы с дезертирством велись сыски. За укрывательство солдат были установлены суровые наказания. Даточные солдаты становятся бесправными, а их служба пожизненной.

В 1660–1670-х г. доля тяглых солдат постепенно увеличивалась до половины от общей численности пехоты. Связать данное увеличение с особыми боевыми качествами затруднительно. В отношении вооружения, подготовки и мотивации тяглые солдаты уступают московским стрельцам и солдатам выборных полков. Несмотря на это правительство продолжает увеличивать количество тяглых солдат, планируя заменить ими стрельцов.

Для стрельцов первой половины XVII в. характерна растущая социальная дифференциация. Владельцы крупных земельных участков, торговых мест и ремесленных мастерских обособляются в особую группу богатых стрельцов. Часть из них обзаводятся лошадьми, становятся конными стрельцами, верстаются в дети боярские и переводятся в поместное войско. Другие, разбогатев в результате торгово-ремесленной деятельности на посаде, сближаются с посадскими верхами. Эта группа обеспеченных стрельцов лояльна правительству. Постепенно она сливается с дворянством.

При этом, положение основной массы стрельцов в первой половине XVII в. значительно ухудшается. Начиная с 1640-х г. стрельцов лишают налоговых привилегий. Увеличивается тяжесть несения невоенных обязанностей: стрельцов привлекают к строительным и сельскохозяйственным работам. В стрелецких полках процветает коррупция и насилие.

Социальная дифференциация вносила раскол среди стрельцов, разрушала чувство единства и способствовала ослаблению стрелецкого войска. Во второй половине XVII в. правительство использовало разобщённость стрельцов для подавления стрелецких восстаний.

Полученные в ходе работы над диссертацией данные позволяют утверждать, что в середине XVII столетия сосуществовали две системы организации вооруженных сил. В старой системе конница состояла из дворян поместного войска, а пехота из вольных служилых людей: стрельцов, выборных солдат и драгун. В новой системе конница состоит из дворян (рейтар, гусар и копейщиков), а пехота из солдат – принудительно набранных тяглых людей. Пехота была главным отличием новой системы. Изучив вооружение и обучение старой и новой пехоты, исследование не выявило превосходства боевых качеств новой пехоты.

Таким образом, главной целью военной политики правительства являлось укрепление вооруженных сил страны. Данная цель достигалась внедрением принуждения и путем увеличения численности армии за счет создания новых пехотных полков тяглых людей. Попыток достигнуть вышеуказанной цели путем повышения боевых качеств уже существующих пехотных и конных полков не предпринималось.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамович, Г. В. Дворянское войско в царствование Ивана IV / Г. В. Абрамович // Россия на путях централизации : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) [и др.]. – М., 1982. – С. 186–192.
2. Акты XVI [!XVII] – XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловым / Моск. арх. М-ва юстиции. – М. : Унив. тип., 1897. – IV, 131 с.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : [в 5 т.]. – СПб. : Тип II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1841–1842. – Т. 3 : 1613–1645. – 1841. – Разд. паг.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : [в 5 т.]. – СПб. : Тип II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1841–1842. – Т. 4 : 1645–1676. – 1842. – Разд. паг.
5. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Дополнения. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1841–1867. – Т. 3. – 1848. – Разд. паг.
6. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Дополнения. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1841–1867. – Т. 4. – 1851. – Разд. паг.
7. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Дополнения. – СПб. : Тип Э. Праца, 1841–1867. – Т. 8 / гл. ред. Н. Калачов. – 1862. – Разд. паг.
8. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук : [в 3 т.] / под ред. Н. А. Попова. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1890–1901. – Т. 1 : Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. – 1890. – XLIV, 767 с.
9. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук : [в 3 т.] / под ред. Н. А. Попова. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1890–1901. – Т. 2 : Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. – 1894. – XLV, 773 с.
10. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук : [в 3 т.] / под ред. Н. А. Попова. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1890–1901. – Т. 3 : Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. – 1901. – XXX, 674 с.
11. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. – Киев : Тип. Давиденко, 1860–1863. – Т. 1. – 1860. – 500 с.
12. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук : [в 4 т.] / доп. и изд. высоч. учрежд. Комис. – СПб. : Тип II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1836. – Т. 1 : 1294–1598. – Разд. паг.

13. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук : [в 4 т.] / доп. и изд. высоч. учрежд. Комис. – СПб. : Тип II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1836. – Т. 3 : 1613–1645. – [4], 496, 24 с.
14. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук : [в 4 т.] / доп. и изд. высоч. учрежд. Комис. – СПб. : Тип II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1836. – Т. 4 : 1645–1700. – Разд. паг.
15. Беляев, И. Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим : ист. исслед. / И. Д. Беляев. – М. : Унив. тип., 1846. – 118 с.
16. Бобровский, П. О. Переход России к регулярной армии / П. О. Бобровский. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1885. – Разд. паг.
17. Бобровский, П. О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет : [в 5 ч.] / П. О. Бобровский. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1892–1898. – Т. 1 : Выборный Московский полк солдатского строя, известный под названием «Бутырского». – 1892. – Разд. паг.
18. Богоявленский, С. К. Войско в Москве в XVI и XVII вв. / С. К. Богоявленский // Москва в ее прошлом и настоящем : роскошно ил. изд., посвящ. памяти историка Москвы И. Е. Забелина / в изд. принимают участие: Д. Н. Анучин [и др.]. – М., 1910. – Т. 4. – С. 62–84.
19. Бохан, Ю.М. Зброя Вялікага княства Літоўскага 1385-1576 / Ю. М. Бохан. – М. : Беларусь, 2003. – 88 с.
20. Бохан Ю.М. Наёмная войска ў Вялікім княстве Літоўскім XV-XVI стст. / Ю.М. Бохан. – М. : Институт истории НАН Беларуси, 2004. – 92 с.
21. Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. / Ю.М. Бохан. – М. : Институт истории НАН Беларуси, 2002. – 336 с.
22. Буганов, В. И. Московское восстание 1662 г. / В. И. Буганов. – М. : Наука, 1964. – 136 с.
23. Васильев, А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой / А. Васильев // Орел. – 1992. – № 1. – С. 18–27.
24. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Изд. 5-е. – СПб. ; Киев : Н. Я. Оглоблин, 1907. – Разд. паг.
25. Волков, В. А. Войны и войска Московского государства / В. Волков. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2004. – 571 с.
26. Волков, В. А. Русская рать: испытание смутой. Мятежи и битвы начала XVII столетия / В. А. Волков. – М. : Прометей, 2017. – 520 с.
27. Володихин, Д. М. Воеводы Ивана Грозного / Д. М. Володихин. – М. : Вече, 2014. – 350 с.

28. Володихин, Д. М. Высший командный состав русской полевой армии при Иване IV / Д. М. Володихин // Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного : материалы науч. дискус. к 455-летию с начала Ливон. войны / сост. и отв. ред. А. Н. Лобин. – СПб., 2015. – С. 1–41.
29. Воробьев, В. М. Предыстория Полоцкого похода / В. М. Воробьев // От древней Руси до современной России : сб. науч. ст. в честь 60-летия А. Я. Дегтярева / С.-Петерб. гос. ун-т ; редкол.: А. О. Бороноев (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 2006. – С. 154–193.
30. Воробьев, В. М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых / В. М. Воробьев // Дом Романовых в истории России : материалы к докл. конф., 19–22 июня 1995 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; редкол.: И. Я. Фроянов (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 1995. – С. 93–109.
31. Герберштейн, С. Записки о Московии : пер. с латин. и нем. / С. Герберштейн. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. – 429 с.
32. Герберштейн, С. Московия / С. Герберштейн. – М. : АСТ : Астрель ; Владимир : ВКТ, 2008. – 702 с.
33. Голикова, Н. Б. Политические процессы при Петре I : по материалам Преображ. приказа / Н. Б. Голикова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 337 с.
34. Голикова, Н. Б. Из истории классовых противоречий в русской армии (1700–1709 гг.) / Н. Б. Голикова // Полтава : к 250-летию Полт. сражения : сб. ст. / Акад. наук СССР [и др.] ; редкол.: Л. Г. Бескровный [и др.]. – М., 1959. – С. 269–285.
35. Голикова, Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. / Н. Б. Голикова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 328 с.
36. Голицын, Н. Г. Русская военная история : [в 2 ч.] / Н. Г. Голицын. – СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1877–1878. – Ч. 2 : От Иоанна III до Петра I. – 1878. – 693 с.
37. Дела Тайного приказа / Археогр. комис. – СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1904–1926. – Кн. 1. – 1907. – XI, 94 с., 1756 стб. – (Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией ; т. 21).
38. Денисова, М. М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. / М. М. Денисова // Труды / Гос. ист. музей. – М., 1948. – Вып. 20 : Военно-исторический сборник. – С. 29–46.
39. Десятни Пензенского края (1669–1696) // Русская историческая библиотека / Археогр. комис. – СПб., 1898. – Т. 17 (сборный). – Стб. 1–130.
40. Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; сост.: Я. Е. Водарский,

- О. А. Шватченко ; отв. ред. Е. И. Индова. – М. : Ин-т истории СССР, 1989. – 181 с.
41. Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г. : в 1-й раз изд. в полн. виде кн. М. А. Оболенским и М. Е. Поссельтом / пер. с нем. М. Салтыковой. – М. : Унив. тип., 1892. – Ч. 1. – [4], 236 с. ; Ч. 2. – 1892. – [2], 245 с.
  42. Довнар-Запольский, М. В. Торговля и промышленность Москвы, XVI–XVII вв. / М. В. Довнар-Запольский // Москва в ее прошлом и настоящем : роскошно ил. изд., посвящ. памяти историка Москвы И. Е. Забелина / в изд. принимают участие: Д. Н. Анучин [и др.]. – М., 1910. – Т. 6. – С. 5–68.
  43. Дом Романовых в истории России : материалы к докл. конф., 19–22 июня 1995 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; редкол.: И. Я. Фроянов (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – 294 с.
  44. Донские дела : [в 5 кн.] / ред. В. Г. Дружинин. – СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1898–1917. – Кн. 2. – 1906. – Разд. паг. – (Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией ; т. 24).
  45. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая царственная книга / Археогр. комис. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1906. – VIII, [230] с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 13, вторая половина).
  46. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; подгот. к печати Л. В. Черепнин ; отв. ред. С. В. Бахрушин. – Л. ; М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 587 с.
  47. Епифанов, П. П. Войско / П. П. Епифанов // Очерки русской культуры XVII века : [сборник] / гл. ред. А. В. Арциховский. – М., 1979. – Ч. 1 / редкол.: А. М. Сахаров (отв. ред.) [и др.]. – С. 234–264.
  48. Епифанов, П. П. Оружие / П. П. Епифанов // Очерки русской культуры XVII века : [сборник] / гл. ред. А. В. Арциховский. – М., 1979. – Ч. 1 / редкол.: А. М. Сахаров (отв. ред.) [и др.]. – С. 265–284.
  49. Забелин, И. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. / И. Забелин. – 3-е изд., с доп. – М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1895. – Т. 1, ч. 1 : Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. – XXIV, 759 с.
  50. Загорский, В. П. Белгородская черта / В. П. Загорский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. – 304 с.
  51. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : тексты / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; подгот. текстов Р. Б. Мюллер ; под ред. Н. Е. Носова. – Л. : Наука, 1986. – 261 с.
  52. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : комментарии / Акад. наук СССР, Ин-т

- истории СССР ; авт. коммент.: Ю. Г. Алексеев [и др.] ; под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. – Л. : Наука, 1987. – 260 с.
53. Зимин, А. А. К истории военных реформ 50-х г. XVI в. / А. А. Зимин // Ист. зап. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1956. – Т. 55. – С. 344–359.
  54. Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1964. – 535 с.
  55. Зимин, А. А. Реформы Ивана Грозного : очерки соц.-экон. и полит. истории России середины XVI в. / А. А. Зимин. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 511 с.
  56. Зимин, А. А. Состав Боярской Думы в XV–XVI веках / А. А. Зимин // Археографический ежегодник за 1957 год / Акад. наук СССР, Отд-ние ист. наук, Археогр. комис. – М., 1958. – С. 41–87.
  57. Иван Грозный-завоеватель Полоцка : новые док. по истории Ливон. войны / сост., подгот. к публ., вступ. ст. В. Ю. Ермак ; науч. и отв. ред. А. И. Филюшкин ; описание рукоп. К. Ю. Ерусалимский. – СПб. : Д. Буланин, 2014. – 481 с.
  58. Изборник : сб. произведений лит. Древ. Руси / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – М. : Художеств. лит., 1969. – 799 с.
  59. История России и Украины (с древнейших времен до конца XVIII в.) : пособие / О. А. Яновский [и др.] ; под науч. ред. О. А. Яновского. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2012. – 502 с.
  60. Карамзин, Н. М. Продолжение государствования Иоанна IV. Г. 1538–1547 / Н. М. Карамзин // История государства Российского / Н. М. Карамзин. – Изд. 5-е в 3 кн., заключающих в себя 12 т., с полн. примеч. – СПб., 1842. – Кн. 2 : Т. 5–8. – Стб. 29–54.
  61. Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. : с полн. примеч. авт. / Н. М. Карамзин. – М. : Мир кн., 2003. – Т. 8. – 382 с.
  62. Каштанов, С. М. Финансовая политика периода опричнины / С. М. Каштанов // Россия на путях централизации : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) [и др.]. – М., 1982. – С. 77–89.
  63. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987–1990. – [Т.] 2, ч. 2 : Курс русской истории. – 1988. – 447 с.
  64. Книга Полоцкого похода 1563 г. : исслед. и текст / подгот. текста, ст. и указ. К. В. Петров ; науч. ред. Г. П. Енин. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2004. – 107 с. – (Рукописные памятники / Рос. нац. б-ка ; вып. 9).
  65. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной е. и. в. канцелярии. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1853–1855. – Т. 2. – 1855. – IX с., 1402 стб.
  66. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной е. и. в.

- канцелярии. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1853–1855. – Т. 1. – 1853. – XV, II с., 1382 стб.
67. Корб, И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) : с прил. 19 рис. на отд. л. и указ. / И. Г. Корб ; пер. и примеч. А. И. Малеина. – СПб. : А. С. Суворин, 1906. – Разд. паг.
68. Котошихин, Г. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. Котошихин. – 3-е изд. – СПб. : Археогр. комис., 1884. – Разд. паг.
69. Кром, М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века / М. Кром. – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – 888 с.
70. Кром, М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений / М. Кром. – М. : «Рубежи XXI», 2008. – 61 с.
71. Курбский, А. М. Сказания князя Курбского / А. М. Курбский ; [от изд.: Н. Устрялов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1868. – [2], XLIX, 460 с.
72. Кутищев, А. В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность / А. В. Кутищев. – М. : Компания Спутник+, 2006. – 408 с.
73. Куц, О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667) / О. Ю. Куц. – СПб. : Д. Буланин, 2009. – 447, [8] с.
74. Лаптева, Т. А. Провинциальное дворянство в России в XVII веке / Т. А. Лаптева. – М. : Древлехранилище, 2010. – 593 с.
75. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича ; Александро-Невская летопись ; Лебедевская летопись / Акад. наук, Ин-т истории ; отв. ред. М. Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1965. – 390 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 29).
76. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Археогр. комис. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904. – V, 532 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 13, 1 половина).
77. Лихачев, Н. П. Государев родословец и род Адашевых / Н. П. Лихачев. – СПб. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1897. – 89 с.
78. Лихачев, Н. П. Разрядные дьяки XVI века : опыт ист. исслед. / Н. П. Лихачев. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. – [756] с. разд. паг.
79. Макаров, М.И. История конницы: в 5 т. / М.И. Макаров. – Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева, 1887. – Т. 3: От вооружения конницы огнестрельным оружием до Фридриха Великого. – 238 с.
80. Маковская, Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков : определитель / Л. К. Маковская. – М. : Воен. изд-во, 1992. – 197 с.
81. Малов, А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656–1671 гг. / А. В. Малов. – М. : Древлехранилище, 2006. – 622 с.

82. Марголин, С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. / С. Л. Марголин // Учен. зап. / Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1954. – Т. 27 : Труды кафедры истории СССР, вып. 2. – С. 63–95.
83. Марголин, С. Л. Вооружение стрелецкого войска / С. Л. Марголин // Труды / Гос. ист. музей. – М., 1948. – Вып. 20 : Военно-исторический сборник. – С. 85–102.
84. Марголин, С. Л. Начало стрелецкого войска / С. Л. Марголин // Учен. зап. / Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1939. – Вып. 1. – С. 47–53.
85. Марголин, С. Л. [Рецензия] / С. Л. Марголин // Вопр. истории. – 1955. – № 4. – С. 154–157. – Рец. на кн.: Чернов, А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.: с образования централизованного государства до реформ при Петре I / А. В. Чернов. – М. : Воениздат, 1954. – 224 с.
86. Масловский, Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России : [в 2 вып.] / Д. Ф. Масловский. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1891–1894. – Вып. 1 : 1683–1762 год (с планами, чертежами и схемами). – 1891. – 470 с.
87. Материалы для истории русского дворянства / в обраб. В. Н. Сторожева. – М. : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891. – [Т.] 1 : Десятни и Тысячная книга XVI века. – [2], VI, 459 с.
88. Милюков, П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции: по 1565 г. / П. Н. Милюков. – М. : Императ. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1901. – VIII, 314 с.
89. Михайлова, И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси XIV – первой половине XVI века : очерки соц. истории / И. Б. Михайлова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. – 639 с.
90. Молочников, А. М. Даточные люди черносошных земель в войске Ивана грозного: лыжная и судовая рать / А. М. Молочников // Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного : материалы науч. дискус. к 455-летию с начала Ливон. войны / сост. и отв. ред. А. Н. Лобин. – СПб., 2015. – С. 203–226.
91. Московский летописный свод конца XV века / ред. М. Н. Тихомиров. – М. ; Л. : Изд-во и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – 464 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 25).
92. Мышлаевский, А. З. Офицерский вопрос в XVII веке : очерк из истории воен. дела в России / А. З. Мышлаевский. – СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1899. – 52 с.
93. Новгородская пятая летопись / Археогр. комис. – Петроград : Тип. Я. Башмакова и К°, 1917. – Вып. 1. – VI, 264 с. – (Полное собрание русских летописей : изд. 2-е ; т. 4, ч. 2).

94. Новгородская четвертая летопись / Археогр. Комис. Акад. наук СССР. – Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1929. – Вып. 3. – IV, [151] с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 4, ч. 1).
95. IV, V. Новгородские и Псковские летописи / Археогр. комис. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1848. – 8, 360 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 4).
96. Новосельский, А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. А. Новосельский. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 448 с.
97. Носов, Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века / Н. Е. Носов. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 408 с.
98. Носов, Н. Е. Боярская книга 1556 г. / Н. Е. Носов // Труды / Ленингр. отделение Ин-та истории Акад. наук СССР. – М., 1960. – Вып. 2 : Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. – С. 191–227.
99. Оболенский, М. А. Боярская книга 1556 г. / М. А. Оболенский // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / изд. Н. Калачовым. – СПб., 1861. – Кн. 3. – С. 25–80.
100. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 5 т. / редкол.: В. Л. Янин (гл. ред.) [и др.]. – М. : Большая Рос. энцикл., 1994–2000. – Т. 3. – 2000. – 622 с.
101. Павлов, А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). – СПб. : Наука, 1992. – 278 с.
102. Павлов-Сильванский, Н. Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства / Н. Павлов-Сильванский. – СПб. : Гос. тип., 1898. – V, [3], 330 с.
103. Павлов-Сильванский, Н. П. Государевы служилые люди: Люди кабальные / Н. П. Павлов-Сильванский. – М. : Крафт+, 2001. – 286 с.
104. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства, XV–XVII вв. / сост.: А. А. Зимин [и др.] ; под ред. Л. В. Черепнина. – М. : Госюриздат, 1956. – 632 с. – (Памятники русского права ; вып. 4).
105. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот.: Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. – Л. : Наука, 1979. – 431 с.
106. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы / ред. В. И. Буганов. – М. : Наука, 1978. – 304 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 34).
107. Поршнева, Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства / Б. Ф. Поршнева. – М. : Наука, 1976. – 433 с.

108. Пронштейн, А. П. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество / А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1983. – 420 с.
109. Рабинович, М. Д. Полки Петровской армии : крат. справ. / М. Д. Рабинович. – М. : Совет. Россия, 1977. – 111 с. – (Труды / Гос. ист. музей ; вып. 48).
110. Рабинович, М. Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. / М. Д. Рабинович // Ист. зап. / Акад. наук, Ин-т истории. – М., 1956. – Т. 58. – С. 273–305.
111. Разрядная книга, 1475–1605 : в 4 т. / под ред. В. И. Буганова. – М. : Ин-т рос. истории, 1977–1994. – Т. 4, ч. 1 / сост. Л. Ф. Кузьмина. – 1994. – 138 с.
112. Разрядная книга, 1475–1605 : в 4 т. / под ред. В. И. Буганова. – М. : Ин-т истории СССР, 1977–1994. – Т. 2, ч. 1 / сост. Н. Г. Савич. – 1981. – 219 с.
113. Разрядная книга, 1559–1605 гг. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; предисл. В. И. Буганова ; сост. Л. Ф. Кузьмина. – М. : [б. и.], 1974. – 436 с.
114. Разин, Е. А. История военного искусства, VI–XVI вв. / Е. А. Разин. – СПб. : Полигон ; М. : АСТ, 1999. – 653 с.
115. Рейтенфельс, Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии = *De rebus Moschoviticis ad serenissimum magnum hetrugiae ducem Cosmum Tertium* / Я. Рейтенфельс ; пер. с латин. А. И. Станкевича. – Изд. 2-е. – М. : URSS, 2012. – 227 с.
116. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих : в 2 ч. – М. : Univ. тип., 1787. – Ч. 1. – [40], 352 с. ; Ч. 2. – [2], 452 с.
117. Романов, Б. А. Судебник Ивана Грозного (По поводу исследования И. И. Смирнова) // Ист. зап. / Акад. наук, Ин-т истории. – М., 1949. – Т. 29. – С. 200–235.
118. Романов, М. Ю. Стрельцы московские: об истории московского стрелецкого войска / М. Ю. Романов. – М. : [б. и.], 2004. – 350 с.
119. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного : материалы науч. дискус. к 455-летию с начала Ливон. войны / сост. и отв. ред. А. Н. Лобин. – СПб. : Нагорный К. В., 2015. – 322 с.
120. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 39 т. / Археогр. комис. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1872–1927. – Т. 3. – 1876. – IX с., 1502 стб.
121. Русская летопись по Никонову списку : в 8 ч. / изд. под смотрением Императ. Акад. наук. – СПб. : Императ. Акад. наук, 1767–1792. – Ч. 7 : По 1598 год, до преставления царя Федора Ивановича. – 1791. – [3], 359 с.
122. Русский хронограф : ч. 1–2 / Археогр. комис. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1911–1914. – Ч. 1 : Хронограф редакции 1512 г. – 1911. – VII, 568, II с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 22).
123. Рязань : материалы для истории города XVI–XVIII ст. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1884. – [4], 158 с.

124. Садиков, П. А. Очерки по истории опричнины / П. А. Садиков. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 594 с.
125. Смирнов, И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века / И. И. Смирнов. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 516 с.
126. Смирнов, Н. В. Боевые слуги в составе поместной конницы в период Ливонской войны / Н. В. Смирнов // Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного : материалы науч. дискус. к 455-летию с начала Ливон. войны / сост. и отв. ред. А. Н. Лобин. – СПб., 2015. – С. 296–338.
127. Смирнов, П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века : в 2 т. / П. Смирнов. – М. ; Л. : Изд-во и 2-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1947–1948. – Т. 1. – 1947. – 490 с.
128. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел : [в 5 ч.]. – М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1813–1894. – Ч. 1. – 1813. – VI, [18], 643 с.
129. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел : [в 5 ч.]. – М. : Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1813–1894. – Ч. 3. – 1822. – Разд. паг.
130. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. – М. : Госюриздат, 1957. – 503. – (Памятники русского права ; вып. 6).
131. Станиславский, А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – М. : Мысль, 1990. – 272 с.
132. Сташевский, Е. Смета военных сил Московского государства на 1632г. (Сметной список 140 году) / Е. Сташевский // Воен.-ист. вестн. – Киев, 1910. – № 9/10. – С. 4–85.
133. Сташевский, Е. Д. Служилое сословие / Е. Д. Сташевский // Русская история в очерках и статьях / сост. при участии проф. и преподавателей под ред. М. В. Довнар-Запольского. – Киев, 1912. – Т. 3. – С. 1–33.
134. Сторожев, В. Н. Тверское дворянство XVII века : в 4 вып. / В. Н. Сторожев. – Тверь : Твер. учен. арх. комис., 1891–1895. – Вып. 2. – 1893. – 144 с.
135. Тихомиров, М. Н. Соборное уложение 1649 года : учеб. пособие / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.
136. Томсинский, С. Г. Очерки истории феодально-крепостной России / С. Г. Томсинский. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. – Ч. 1. – 306 с.
137. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; подгот. к печати А. А. Зимин. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 456 с.
138. Флетчер, Д. О государстве русском = Of the Russe common wealth / Д. Флетчер. – Изд. 2-е. – СПб. : А. С. Суворин, 1905. – XXII, 138 с.

139. Хорошкевич, А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1980. 293 с.
140. Чернов, А. В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв.: с образования централизованного государства до реформ при Петре I / А. В. Чернов. – М. : Воениздат, 1954. – 224 с.
141. Чернов, А. В. Вооруженные силы / А. В. Чернов // Очерки истории СССР / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; гл. ред.: Н. М. Дружинин (пред.) [и др.]. – М., 1955. – [Т. 1] : Период феодализма. XVII в. / под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. – С. 439–456.
142. Чернов, А. В. Образование стрелецкого войска / А. В. Чернов // Ист. зап. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1951. – Т. 38. – С. 281–290.
143. Чернов, С. З. Волок Ламский в XIV – первой половины XVI в.. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации / С. З. Чернов ; ред.: В. Л. Янин, В. Д. Назаров. – М. : Галерея, 1998. – 543 с.154,
144. Штаден, Г. О Москве Ивана Грозного: записки немца опричника / Г. Штаден. – Л. : М. и С. Сабашниковы, 1925. – 182 с.
145. Эскин, Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI-XVII вв. / Ю. М. Эскин. – М.: Квадрига, 2009. – 508 с.
146. Яновский, О.А. Дипломатия и дипломаты России (от Ивана III до Петра Великого) / О.А. Яновский, В.И. Бобышев – М.: БГУ, 2000. – 93 с.
147. Brix, R. Geschichte der alten russischen Heereseinrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen / R. Brix. – Berlin : Behr, 1867. – XXI, 622 S.
148. Brzezinski, R. Polish winged hussar, 1500–1775 / R. Brzezinski, V. Vuksic. – Oxford : Osprey, 2005. – 64 p.
149. Chase, K. Firearms: a global history to 1700 / K. Chase. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – XVII, 290 p.
150. Davies, B. L. Warfare, state and society on the Black Sea steppe, 1550–1700 / B. L. Davies. – New York : Routledge, 2007. – X, 256 p.
151. Ducharme, S. Slaves of the Sultan: the Janissaries / S. Ducharme. – Cambridge : Harvard Univ., 2001. – 16 p.
152. Duffy, Ch. The army of Frederick the Great / Ch. Duffy. – Chicago : Emperor's Press, 1992. – 360 p.
153. Frost, R. I. The northern wars 1558–1721: war, state and society in Northeastern Europe / R. I. Frost. – Harlow : Pearson Education Ltd. : Longman, 2000. – 401 p.
154. Lynn, J. A. Gaint of the grand siècle: the French army, 1610–1715 / J. A. Lynn. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. – XX, 651 p.
155. Nicolle, D. C. Armies of the Ottoman Turks, 1300–1774 / D. C. Nicolle. – London : Osprey Publ., 1983. – 40 p.

156. Kingra, M. S. The trace Itallienne and the military revolution during the Eighty Years' War, 1567–1648 / M. S. Kingra // J. of Military History. – 1993. – Vol. 57, № 3. – P. 431–446.
157. Miskimin, H. A. The economy of later Renaissance Europe, 1460–1600 / H. M. Miskimin. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. – X, 222 p.
158. 150 Murphey, R. Ottoman warfare, 1500–1700 / R. Murphey. – New Brunswick : Rutgers Univ. Press, 1999. – XXII, 278 p.
159. Nicolle, D. The Janissaries / D. Nicolle. – London : Osprey Publ., 1995. – 64 p. – (Elite Series ; № 58).
160. Nossov, K. Russian fortress 1480–1682 / K. Nossov. – Oxford : Osprey Publ., 2006. – 64 p. – (Fortress ; 39).
161. Parker, G. The army of Flanders and the Spanish Road 1567–1659: the logistics of Spanish victory and defeat in the Low Countries' Wars / G. Parker. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. – XXIX, 291 p.
162. Parrott, D. The business of war: military enterprise and military revolution in Early Modern Europe / D. Parrott. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. – 448 p.
163. Shaw, S. J. History of the Ottoman Empire and modern Turkey : in 2 vol. / S. J. Shaw. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1976–1977. – Vol. 1 : Empire of the Gazis: the rise and decline of the Ottoman Empire, 1280–1808. – 1976. – 368 p.
164. Wood, J. B. The king's army: warfare, soldiers, and society during the wars of religion in France, 1562–1576 / J. B. Wood. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. – XVI, 349 p.